

София Конар

*Наше право
на бессмертие*

София Конар
Наше право на бессмертие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22202749

ISBN 9785448352348

Аннотация

Как далеко я смогу зайти в этой борьбе? Когда чувство того, что пора сдаться, оставит меня? Хватит ли у меня сил, чтобы добиться желаемого? Как крепко смерть может ухватиться за наши горла? Имеем ли мы право на бессмертие?

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Я вижу!	7
Глава 2. Главные	72
Глава 3. Такова жизнь	139
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Наше право на бессмертие

София Конар

© София Конар, 2016

ISBN 978-5-4483-5234-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Мне было 12 лет. Я училась в средней школе и вела жизнь обычного подростка. Как и у всех детей, у меня были трудности, успехи, провалы и взлёты. Но вот один мой провал изменил многое в моей жизни.

Мне было 12 лет. Меня убили. Выкинув меня из окна 17 этажа, убийца рассчитывал исправить свою ошибку, но это не спасло его.

Я летела вниз, смотря на серое и хмурое небо, которое наблюдало за мной, как за ягодкой, упавшей с ветки куста. Перед моими глазами не пронеслась вся жизнь и света в конце туннеля я тоже не видела. На земле я чувствовала острую боль и нехватку воздуха. А потом я оказалась в странном и грустном месте.

Это было «Седьмое Небо», рай для таких людей, как я. Но мне не дали там освоиться. Очень скоро я почувствовала, что возвращаюсь на землю. Последнее, что мне удалось сделать наверху, это пожалть чью – то руку, которая показалась мне очень тёплой и дружелюбной. Но чья была эта рука, я так и не узнала.

Меня вернули с небес на землю. Вылечили, поставили на ноги и сказали, что пора жить дальше.

Но как это сделать, когда уже почувствовал вкус рая? Как я могла жить дальше, зная, что кто – то там пожал мне руку?

После этого я точно знала, что моя жизнь не станет прежней.

Глава 1. Я вижу!

На улицах моего города снова правил дождь. Музыка в комнате перебивала мысли, да и думать – то особо не хотелось. Я чувствовала усталость и лёгкую боль в сердце. В комнате раздавался телефонный звонок, но мысль о поднятии трубку, была мне противна. Кроме мамы мне никто не звонил, а все фразы от неё я знала наизусть. Это давало мне возможность, подходить к зеркалу и передразнивать её, но больше в этом не было никакого смысла. Я считала, что никогда не вырасту, а время на самом деле совершенно никого не щадит.

Я люблю вспоминать. Слушая музыку из прошлого, вспоминаю о том, как всё было. Может быть, это такая болезнь, которая заставляет всё помнить, иначе, непременно, что – то случится, и ты перестанешь быть самим собой. Мне говорили, что людям страшно меняться, они готовы уцепиться даже за свои дурные привычки, только бы «быть теми, кто они есть».

Звонок в дверь совершенно выбил меня из моей ностальгии. Заставил подняться, открыть дверь, обнаружить вымокшего Матвея. Сегодня тот самый день, когда я должна помогать ему с уроками, чтобы после сдачи экзамена, он смог поступить куда хочет.

Матвей младше меня на два года. Рост у него, из ряда вон

выходящий, но шишек на голове у него пока что не было. Светловолосый, голубоглазый, сам из себя симпатичный. Девушки за ним готовы были на край света идти, и он бы пошёл с ним, если бы не одно «но». Матвей был гомосексуалистом. И вообще – то он не очень от этого страдал. Может быть, потому что пара у него была или оттого, что проблем с общением по этому поводу у него не возникало. Почти.

У Матвея был полный завал по математике, он всё ещё не понимал элементарных вещей. На нашем занятии мне приходилось выключать музыку и закрывать окна, потому что он вечно мёрз, а мою музыку просто не мог переносить без затычек для ушей. Оставив его приготавливаться, я пошла готовить чай, так как причиной его заболевания стала бы именно я, а не дождь или его тонкая футболка с бестолковыми кедами. И дело не столько в моей вине, сколько в том, что его парень будет ненавидеть меня ещё больше. А мне не нравится, когда меня так ярко ненавидят.

– Нет, тут будет отрицательное число, потому что ты перенёс. Нет, корень не извлекается, считай так или возводи в квадрат. Ты можешь ввести ещё одну переменную, но тогда тебе придётся ещё раз считать в конце, то есть подставлять в начальную формулу. Вот тут. Нет. Ты должен будешь и там посчитать, где вычитал. Ты не можешь взять число из воздуха, если прибавил его, то вычти. Видишь, тут будет ноль. Нет, так не должно быть. Нельзя так делать. Матвей!

– Я, кажется, понимаю...

– Но ты не решаешь правильно.

– Они все такие разные – начал своё привычное нытьё парень.

– Они однотипные, на одно и то же правило. Экзамен меньше, чем через неделю. Ты собираешься школу со справкой закончить? Ты ведь не собираешься в 10?

– Нет. По – твоему я ненормальный? У меня уже есть планы на жизнь. И всё было клёво, если бы не этот экзамен.

– Тебя обрадует тот факт, что экзамен тебе тоже не особо рад? – «попытка пошутить»

– Как ты его вообще сдала?!

Матвей стукнул по столу и приблизился ко мне так, что наши носы находились в нескольких миллиметрах друг от друга. Он пристально смотрел на меня, рассчитывая найти в моих глазах решение всех задач. Мне стало не по себе от того, что он так близко, но это всего лишь неловкость. Мысленно я хватаю лампу и разбиваю её об его бестолковую голову, потом с победоносным выражением лица прячу труп. Но на самом деле, я закатываю глаза и отвечаю на его вопрос:

– Всё просто. Я могла пользоваться магией. В те времена, это разрешалось.

– Посмотрим, как ты используешь её в этом году.

Он отстранился, вернулся в прежнее положение и принялся допивать свой чай, делая при этом вид, будто он читает задачу.

Наш урок математики продлился еще час, и мой «уче-

ник» собрался уходить. Матвей пытался запихнуть тетрадки и учебники всем скопом в рюкзак, но у него ничего не получалось, и тетрадки падали на пол, открываясь в самых нежелательных местах. Лучше бы мне не видеть эти отвратительные рисунки на полях страниц.

Он всегда уходил от меня недовольным, но это даже забавляло. В конце концов, он был упрямым человеком. Редко слушал мнение других, всё время ошибался и был ужасно вспыльчивым. Часто случалось, что он доказывал всему миру свою правоту, а потом, когда оказывалось, что он не прав, начинал ненавидеть всё вокруг. Его ненавистью можно было бы заполнить весь свет, если бы этот самый «свет» и так не был ею переполнен. Матвей не был эгоистичен, так только казалось, на самом деле он пытался помочь, всем и всему. И у него это так и не получилось. Наверное, любое слишком хорошее дело, в котором есть капелька вреда для кого – то вынуждено пасть на колени перед бездной отчаяния. Но Матвей не сдавался, даже, когда надо бы. По крайней мере, мне так казалось. Я хотела верить, что этот парень хороший, даже, когда все факты говорили об обратном.

– До завтра, да? – промямлил он у выхода, завязывая шнурки.

– Ага. Буду ждать тебя с нетерпением.

– Еще чуть – чуть и ты метнёшь в меня молнию.

– Уходи уже, а.

Когда он отвернулся от меня, то я почувствовала то, что

испытываю всегда, когда моя сила даёт о себе знать. Давящую мглу. Я замерла на месте и начала видеть картинки происходящего. Часы, минуты и секунды захватили меня в плен, и моё тело не могло пошевелиться, как бы мне не хотелось. Глаза мои не желали закрываться, как бы сильно я им этого не приказывала. Всё, что я могла это видеть. Видеть и снова видеть. Молча осознавать, что произойдёт.

По утрам у меня у меня всегда ломит кости. Иногда из – за этого вставать просто не хочется. Будучи ребёнком, я накупила маленьких рыбок в каком – то магазинчике и повесила их на потолок, с помощью ниток и пластилина. А потом было время ремонта, и потолок стал морским дном. Теперь по утрам я могу наслаждаться видом моря и совершенно ни о чём не думать. Наверное, это одна из причин моей любви к нашей квартире.

Мама уже давно проснулась и ушла на работу. Никогда не понимала, почему она туда так спешит. Может быть, я вырасту и стану такой же, как она. Всегда думала об этом. Как бы сильно мы не считали, что наши родители не правы, потом, мы становимся чуть ли не такими же. Когда – то приходится встать на их место.

До лета осталось еще два дня, но я уже чувствую всю его тяжесть на своём теле. Это время года я недолюбливала больше всего. Эта жара просто выводила из себя, а ночь становилась слишком короткой. Если так взять и подумать. За что так укорачивать ночь? Пора купить шторы

плотней и еще один вентилятор. Может закидать тут всё снежком, а потом купить лодку?

У меня скоро экзамены, а после них, можно сказать, что какая – то часть свободы в руках. Но на самом деле меня ждёт рутина. Всю мою жизнь. Если я хочу жить честно, то я должна быть рабом системы. Прогибаться под начальника, под учителей, профессоров, правительство. В любом случае нужно постараться и сдать всё на высший бал. Боюсь, что я снова обману всех. Но ведь я делаю это не специально.

С утра болел живот, а это верное предзнаменование, что – то случится, хотя это не одна из моих способностей. Иногда мне хочется, чтобы всем нам при рождении давалась одна способность, та, которой мы могли бы управлять на 100%. Но всё произошло не так, как хотим мы, а так, как хочет Бог. Я не о том Боге, которому молятся обычные люди, а о том, который дал нам силы.

Когда – то нас называли ведьмами и колдунами, но потом, мир сумел понять, что, скорей всего, ведьмы и колдуны, это всего лишь шарлатаны и сказки. Ведь мы ими не являлись. Тут мы были обычными людьми. Нам приходилось скрывать наши силы по мере возможностей. Это было одним из наших правил, потому что, как бы люди иногда не нуждались в волшебстве, мы не можем вмешиваться в их судьбу своими способностями.

На самом деле, несколько лет назад было сделано послаб-

ление, и теперь мы можем рассказать одному человеку о наших силах, но если он расскажет кому – то еще, то будет убит. Это стало правилом номер два. Каждый год правила корректируется.

Но, что есть год для нас. Мы не совсем умираем. Уже очень давно был создан специальный мир для тех из нас, кто якобы отжил свою жизнь в человеческом теле. Как бы это ни было забавно, этот мир называется «Седьмое небо». Умирая, за нашими душами приходят и отправляют их наверх или вниз, что происходит с телами неизвестно. Точнее, известно, но каждый раз особенный. Тело может исчезнуть, остаться, сгнить, сгореть, а может с ним и ничего не произойдет. На «седьмом небе» жизнь продолжается. Всё, как и прежде, только вот живут там только умершие. Простых людей нет, нет и живых. Зато мы, люди с силой, можем их навещать, но только один раз в месяц. Почти, как заболевших родственников в больнице, только такие больные никогда не поправятся и состояние у них стабильное.

У моей мамы была знакомая, у которой умер брат, и она постаралась обойти это правило. Она ходила к нему 12 дней подряд, обещав, что в течение следующего года не ступит к нему и ногой, а потом она убила себя.

Это было правилом №3.

У врат «Седьмого неба» обычно работали те, кто обладал силой бессмертия и воскрешения. Их называли Хранителями. Правило №4, мы не можем воскрешать людей, толь-

ко животных. К сожалению, во всём мире нас насчитывалось около 7000. Конечно, это ничтожно мало, по сравнению с прошлыми столетиями, но что поделать, мы вымирали. Разумеется, мы не могли умереть все. Так как такое уже было. В 1731 году умер последний из нас. И тогда, настал кошмар на «Седьмом небе». Всё покрылось кровью. Наши души начали тонуть, а потом будучи, неспособными спастись начали гнить и страдать. И крик их наполнил всё. Тогда, Бог, что создал нас и наделил силами, решил действовать. Он выбрал 50.000 эмбрионов и дал им силы.

Именно так написано в книгах, которые посвящены нам. Каждому из нас даётся две силы. Одной мы можем управлять, а другая живёт в нас сама по себе. Мы разбиты на небольшие и большие семьи. В моей семье шесть человек, включая меня. Мама, три брата и сестра. Я появилась в семье третьей, когда уже была старшие брат и сестра. К тому времени в нашей семье уже не было отца. И мне почти никогда и никто не рассказывал о нём. Поэтому я старалась узнавать всё самостоятельно.

С ними я сразу подружился. Они все заботились обо мне, как о родном человеке, но в любом случае, они были моей семьёй по силам, а родила меня моя родная мать, даже не подозревая, что я необычный ребёнок. Потом появились близнецы. Я ненавидела их за ужасную схожесть, когда они были мелкими. Но в средней школе мальчики, наконец – то стали различимыми и стали менее жестоки в своих шутках. Так

вышло, что в обеих семьях, у меня только одна мать.

Как получилось, что у меня две семьи? У всех людей с силой две семьи, кроме тех, кто уже является взрослым человеком. Когда нам исполняется шесть лет, то мы опускаем свою руку в чашу «Сомнения» и она определяет, в какую семью мы будем входить. Приводит нас к этой чаше прил. Прилы – это существа, которые принимают форму того, в ком мы нуждаемся больше всего. Каждые пять лет они меняют форму. Видимы они только для нас, простые люди их даже не ощущают, пока не становятся для нас угрозой. Вот, когда обычные человечки становятся опасны для таких, как я, тогда прилы могут и нанести вред за нас. Поэтому мой прил – Казира, кошка. Когда я была маленькой, она была огромным галемом. Так я могла ничего не бояться. А когда наступил мой пятый День Рождения, она обратилась девочкой, с которой мне всегда было весело. Тогда моя родная мама сказала, что это не так уж и плохо иметь воображаемого друга, но мы обе понимали, что реальной Казире, нет ничего на свете. Прилы рождаются вместе с нами, но растут они быстрее, и, как правило, они сообразительней нас, ведь их создали для нашей защиты или чтобы мы не были одиноки. Но, когда человек перестаёт нуждаться в приле, то он остаётся один. Я так и не поняла, что происходит с этим существом, наверное, оно просто покидает человека. Навсегда.

Я не видела Казире уже дня два, но ей не обязательно

быть рядом, если что – то со мной случится, она это почувствует. Казира уже почти 10 лет в образе кошки. Даже не знаю, изменится ли она, когда мне станет 20.

Сегодня суббота. Я обещала помочь Варнии, моей маме по силе. Обычно мы её зовём Марина, но настоящее имя Варния. У нас не принято называть в тесном кругу члена семьи по человеческому имени, но люди достаточно странно реагируют на нас, услышав настоящее имя. Поэтому в паспортах у нас обычные имена и фамилии. Всё, как у всех. Но в уютной домашней обстановке, мы – это мы. Со своими именами, со своими силами и манерами. Мне нравятся наши настоящие имена. Мою старшую сестру по силе зовут Кролин, а по – человечески Агнесия, вот и выбирай какое имя лучше, ей оба нравятся. Вскоре, натянув джинсы с рубашкой и балетки, я потащила к маме. Я же могла быть более женственной и аккуратной, но мне было лень. Честное слово, мнение окружающих меня людей волновало меня в последнюю очередь, а семьи мои никогда мне не делали особых замечаний.

Варния слишком добра со мной. Она ни разу на меня не накричала и не ударила, хотя я не подарок. Но по сравнению с остальными я достаточно спокойная. Мама работает в цветочном магазине. И вообще – то это её магазин, но ей нравится находиться в этой атмосфере и она сказала, что даже и не думает нанимать кого-то, ведь у неё есть мы. Мой старший брат, Зем уехал в другой город на обучение.

Ему очень хочется стать хирургом, но честно говоря, с его неуправляемой способностью лучше в морге работать. Он убийца. Мама с ним, да и некоторые Главные намучились. Говорят, что с такой способностью было всего лишь 5 человек. Одна из них убила себя, потому что не смогла справиться с этим бременем. Стоит Зему разозлиться и посмотреть кому – то в глаза, кровь в жилах замирает. В прямом смысле этого слова. Человек умирает. И Зем никак не может с этим справиться, поэтому мы его не злим. Мы решили, что лучше не испытывать судьбу. Поэтому в нашей семье всё тихо и спокойно. Брат звонит почти каждый вечер, говорит, что всё в порядке, что даже смог завести себе одного друга, но всё равно проводит время в одиночестве. В любом случае, он не станет рассказывать ему о своей силе, ведь даже если он это сделает, то друг никак не сможет ему помочь. Когда близнецы были маленькими, они всё время вешали на Зема табличку: «Осторожно, злой брат». Уши бы им за это оторвать.

Тем не менее, Зем видит человека насквозь. «Он был бы хорошим врачом», говорила мама. Когда у нас кто – то что – то ломал, то Зем сразу же нас осматривал на переломы. Всё никак не могу представить, какого это видеть ходячие скелеты. Но я всё еще не сломала ни одной косточки. Это моё достижение, но, Глумир говорит, что у меня все еще впереди.

Глумир – один из близнецов. Он старший, на несколько

минут или секунд. Впрочем, близнецы никогда не спорили на этот счёт. Всё это было на документах, да и у них были дела интересней. Например, донимать всё, что попадалось им на глаза. Как – то Зем сказал, что неплохо бы было завести кошку, но мама посмотрела на братьев и отрицательно покачала головой, в ответ на их коварные улыбки. Казира сказала, что мышей в доме нет, то есть мы не нуждаемся ещё в одной хвостатой из семейства кошачьих. Да, Казира говорит, как и любой прил. Говорящая кошка тут, уже никому не в новинку. Привыкайте.

Когда я зашла в магазин, то сразу попала в плен кучи приятных ароматов, от которых у меня обычно чешется нос и кружится голова. Варния выбирала диск с музыкой, которая сегодня будет наполнять это помещение. Обычно это была классика, но иногда я приносила свою музыку, например Enigma, Sting, которого я недолюбливала. Но это было редкостью.

Я услышала, как чьи – то пальцы упали на клавиши, и по помещению разлилась музыка. Мелодия медленно обволакивала все лепестки, землю, корешки, меня, маму. Потом я ощутила мамины руки на себе. Она крепко и в то же время нежно обнимала меня. Каждый раз она проделывала это как – будто в первый или последний раз. Словно любви в ней было так много, что через эти объятия она делилась ей со мной, наполняя меня этой любовью. Будто она чувствовала всё, что творится у меня внутри и пыталась уте-

шить. Она обнимала меня и тем самым говорила: «Не расстраивайся. Я всегда жду тебя».

Я очень её любила. Моя родная мать не была такой. Совсем не такой. Может быть, это было из – того, что с мамой по силе мы виделись намного реже. Вместе мы не жили. Она растила меня больше в плане моей силы и самоконтроля. Варня была какой – то подружкой, которая всегда ждёт и поддержит. Но всё равно, я звала её своей мамой. Эти отношения были сложными и запутанными, когда – то я просто решила принимать всё, как есть и плыть по течению.

– Как хорошо, что ты, наконец – то пришла, моя сонная принцесса.

– Ну, я же просила не называть меня так. Я сегодня и так встала раньше обычного.

– Прости, прости. А я, между прочим, кое – кому купила новую рыбку на потолок. Угадай, кто эта счастливица?

– Рыбка? Мне? Правда? А я думала, что это день ничто не сможет сделать радостным.

– На прилавке в коробочке, у кассы. Но возьмишь её после того, как поможешь мне. По рукам?

– Будто у меня есть выбор. Чего делать – то?

– Ну, давай веселее. Для начала нужно бы выместить, а я пока полью цветы в горшках, или хочешь наоборот? А еще минут через 15 привезут свежие цветы, но близнецы мне с этим помогут. Посидишь на кассе до обеда?

– Слушаюсь и повинуюсь, моя госпожа. Где же моя зло-

счастливая подружка метла? Куда же она подевалась? Ох, неужели её похитили?

– Нет, не может быть. Такого еще не случилось в моём заведении. Так – так. Метла, ко мне!

Варния повела рукой, и метла оказалась у неё. Это была её управляемая способность. Она могла притянуть к себе предмет в радиусе 50 метров, но только если она хорошо его представляла или имела часть от этого предмета. Поэтому дома ничего не терялось, а от неё нельзя было убежать. Конечно, если бы она больше тренировала свою силу, то и не такое могла бы.

А смешные спектакли были нашим с ней хобби. Кролин, смеясь над нами, говорила, что нам бы в актёры, а сама она давно работала репетитором по математике и физике на дому.

Мне часто приходилось сидеть на кассе, подметать и поливать цветы. В общем – то это была достаточно приятная и лёгкая работа. Моя родная мама считала это моей подработкой, но деньги, что я получала от Варнии, были карманными или мне просто стоило их у неё попросить. Хотя в глубине души я считала, что честно заработала эти деньги.

После обеда мама отпустила меня восвояси. Дала пару дежурных советов, которые я, как обычно, не выполняю, и поцеловала меня в щёку.

Разумеется, я отправилась домой с хорошим настрое-

нием. Мама меня всегда вдохновляла, и мне было спокойно на душе. В наушниках громко играла музыка, и я уже была на своей улице, как тут меня резко схватили за руку, дёрнули назад, пытаюсь остановить, и я упала на землю, больно ударившись ладонью, и наверняка содрал кожу. Не успела я опомниться, как меня уже поднимали и извинялись, отряхивая мою одежду и одновременно опираясь на моё плечо. Передо мной стоял Франд.

Младший близнец и мой брат по силе. Глумир, Франд и Матвей учились в одном классе, и всем им нужно было сдавать экзамены, только вот мои братья, как и многие из нас отличались умом и хитростью. Я не сомневалась в том, что они оба сдадут экзамен, как делать нечего, особенно Франд, ведь его прил была живой библиотекой и воплощением ума, но уж слишком стеснительной и неразговорчивой.

Мои братья могли каждый день валять дурака, изредка приходив на консультации. Но Франд был ужасно ответственным и достаточно спокойным, он всё делал, как надо. Для того, чтобы он прибывал сейчас в таком всполошённом состоянии, должно было произойти что – то действительно серьёзное. Это интригует, но на моём лице, как обычно, 100 оттенков равнодушия и незаинтересованности.

– Извини, что уронил тебя. Я не рассчитал силы. Прости.

– Должно быть, тебе всё еще не надоело извиняться за ту силу, которую ты не можешь контролировать. Вы-

бросы твоей мощи – это нормально. Что случилось?

– Матвея. Матвей. Убили. Он мёртв. Там. Скоро придут Главные. Сестра, нам...

Я не дала ему договорить. Схватила его за руку и побежала на остановку. Всё время, что мы ехали в автобусе, я никак не могла поверить, что его убили. Смотрела на засохшую кровь на ладони и размышляла о произошедшем. Это шокировало.

Матвей, он же Орлинас, не мог быть убитым. Я еще могла поверить, что, когда он проходил сквозь стену, что – то пошло не так, но убийство. Кто мог его убить? Неужели его семья воевала с другим семейством? Но ведь 50 лет назад это было запрещено. Семьи могли молча ненавидеть друг друга, но не убивать. Бог был за мир во всём мире, разве нет? Это было наказуемо. Зачем? Зачем такой бездарь и шут кому – то понадобился мёртвым. А что теперь будет с его мальчиком? Он же с ума сойдёт. А, может быть, его убили не из – за си? Может быть, нашёлся какой – то человек с гомофобией?

Когда мы приехали и вошли в квартиру, я сразу почувствовала запах крови. А еще в помещении было холодно. Франд искажил лицо от вида крови, а мне стало слишком жарко и слишком холодно. Матвей был, в самом деле, убит. Он лежал на полу, полностью голый, с кровавым месивом в груди. Значит, его застрелили из ружья. Варварские методы. Хотя, правило гласит, что мы не можем убивать

друг друга своей силой. Причинять вред, да, но не убивать. Из этого следует, что убить его мог, как смертный, так и человек с силой. Круг подозреваемых не сократился.

А тем временем, в квартиру вошла высокая женщина со слезами на глазах, два взрослых мужчины и девушка, до такой степени тонкая, что мне показалось, будто её не кормят. Анорексия, может быть, хотя мы слишком редко боеем. Так редко, что в этом плане, наши родные родители могут быть спокойны. Тонкая девушка кинулась к Матвею и начала рыдать. Её даже не волновало, что она испачкалась в крови. Франд взял меня за руку и очень близко, так, что я ощущала его не ровное дыхание у себя на затылке. Для него всё это было больше, чем шоком или стрессом. Он был поражён до такой степени, что искал защиту во мне. Я провела рукой по волосам, приводя свои мысли и силы в порядок, и тонкая девушка воспарила в воздухе. Она быстро поняла, что это моя управляемая сила и просто продолжила плакать, но уже в воздухе.

– Сейчас уже поздно плакать. Франд помощи семье Бланк, если будет нужно.

– Спасибо – ко мне подошла высокая женщина – Мы справимся. Я чувствую, что Главные уже рядом. Спасибо, я благодарна, что ты пришла сюда. Твоя семья всегда нам помогала. Спасибо.

Высокая женщина заплакала, ей правда было тяжело сдерживаться. Мужчины пошли открывать окна и сни-

мать занавески.

Таков был обычай. Если человек умирал в доме, то окна должны были быть распахнуты. Навстречу «Седьмому небу». Так мы это называли.

Один за другим Главные вошли в комнату. Я почувствовала мощный удар силой внутри моего тела и поняла, что нас всех отшвырнули к стене. Мы не должны были мешать им.

Главные не были Богами. Бог просто дёргал ими. У них были все возможные силы, но они были куклами, которые диктовали нам правила, разбирались в ссорах семей, читали и организовывали собрания и давали нам выбор. Они были что – то вроде верховного суда. Они назывались Главными, потому что нас Бог, не дёргал за ниточки. Он дал нам жить, как мы хотим, нас Он оставил. А с ними... с ними Он, наверное, прибывал рядом.

Главные стояли около Матвея и молча лицезрели. Они проводили своё расследование. Все такие из себя серьёзные: в чёрных накидках, с закрытыми лицами, одинаковые позы, не отходят далеко друг от друга. Кажется, что они хорошие, но это не так.

Сильный ветер дал о себе знать, одно стекло разбилось и осколки полетели на пол, разбиваясь повторно при соприкосновении с паркетом. Франд вздрогнул, а женщины продолжали плакать. Начался мощнейший ливень, который застилал собой всё за окном. Не было видно, ни города, ни неба.

Молния одна за другой ударяли в точки входа на «Седьмое небо». Тело исчезало. Кровь, ошметки одежды и душа. Все исчезало на наших глазах. За считанные минуты исчезло всё, что напоминало о Матвее. Вот как это произошло с моим знакомым. Главные поклонились нам и смылись. Дождь усилился, хотя казалось, что хуже некуда. Теперь он будет идти, как минимум час. Как минимум. Ливень оплакивал новую душу на «Седьмом небе», это было так сентиментально.

Отчаяние вновь охватило этот мир. Франд сполз по стене на пол, поджал к подбородку колени и уставился в пространство. Ливень продолжал идти, не давая забыть о произошедшем. Это был конец очередной истории юного парня, который, на самом деле, хотел жить.

Матвей открыл дверь и готов был выйти, но, как только всё окончилось, я схватила его за локоть и втянула в квартиру.

Это было видение.

Моя неуправляемая способность: видеть будущее. И плевать какое. Абсолютно. Я бы так хотела от неё избавиться. Притащив Матвея обратно в комнату, я посадила его за стол. Ему не нужны были вопросы и ответы, для того, чтобы понять, что я что – то видела.

Значит, завтра он умрёт. В такой хороший день, он должен умереть. Почему? Что делать? Главное не впадать в крайности, как однажды.

У меня уже могли быть проблемы с Главными из – за то-

го, что я нарушила их планы. Но в тот раз всё обошлось предупреждением на свитке, который они бросили в почтовый ящик Варнии. Нужно что – то делать.

Я посмотрела на его растерянное лицо и ощутила эту нелепую ответственность. Какого чёрта? В любом случае прямо сейчас, я могу отпустить его домой, и он умрёт. А что, если ему суждено умереть и мне его никак не спасти? Ведь, несмотря на мою силу, я не могу рвать нити судьбы. Всё в этом мире равносильно.

– Ты видела что – то плохое, да? Не молчи, ты меня пугаешь! Тебе плохо? Позвонить твоей семье? Ты вообще слышишь меня! Эй!

– Завтра... будет хорошая погода в начале дня. У твоей семьи закрытая вражда с кем – то?

– Ну, Клорки как – то угрожали нам. Это было в прошлом году. Боюсь, что ничего не было. Но чёрт их знает. Один мой отец чего стоит. Скажи, что ты видела, это как – то касается нас?

– Нет. Ничего. Матвей, иди домой. Тебя это не касается.

Я схватила свой телефон и ключи от квартиры, и мы вместе с Матвеем вышли на улицу. Было прохладно, солнце почти не светило, и это была хорошая погода, потому что ветерок так приятно пробегал по улицам. Матвеем позвонил его парень, и он убежал, пожав мне руку. Ну, хорошо, что он не считает меня злобной стервой, как всех остальных девочек.

Раньше я не слышала о его семье. То есть я знала про то, сколько их и чем они занимаются. Но я думала, что в их семье одна женщина. Но это не так важно. Скорей всего мы родим обычных детей. Очень редко случилось, что женщины со способностями рождали детей с силой. Примерно, у 85% детей силой обычные матери, неподозревающие о чём – то сверхъестественном.

Погода была такой дивной, что мне захотелось пройтись пешком. Надо было всё обдумать.

Кого так сильно задел Матвей. Что забыл Франд у него дома. Как он узнал. Вечно мои видения размывчатые и в них я, почему – то ничего не спрашиваю. Зато теперь буду задавать 100.000 вопросов и сомневаюсь, что отвечу хотя бы на пять. Вот так всегда.

Магазин мамы стоял на том же месте. Всё было, как и раньше. Казалось, что мир разрушится, а магазинчик, который я так люблю, не исчезнет. Никогда. Даже на душе теплее становилось.

Мне позвонила родная мама. Моя родная мама, можно сказать, была некой противоположностью Варнии. Во всех смыслах этого слова. Например, у Варнии были длинные каштановые волосы, которые кудрявились, если была влажная погода. Еще Варния была очень высокой и сильной женщиной, её мускулатуре можно было бы завидовать. Так же, еще с детства я знала, что у моей мамы по силе очень много родинок. Они были рассыпаны по всему её телу, кроме лица.

А вот моя родная мама выглядела иначе. Она была миниатюрной, очень худой и с острыми чертами лица. У неё были красивые голубые глаза, которые я кое – как унаследовала и то, наполовину. Её короткие светлые волосы, всегда были идеально уложены и никогда не отрастали. Она их множество раз красила, поэтому их цвет частенько менялся, но только в оттенках. Моя родная мама была суровой женщиной, предпочитала смотреть на мир сквозь призму реальности и жестокости. Конечно, она была добра и ласкова со мной. Любила меня всю мою жизнь, как никого не любила. Она всегда была со мной и многим пожертвовала ради меня, но, из – за всего произошедшего со мной и с ней, она ожесточилась.

– Ты где? – бросила она мне холодное в трубку.

– У магазина Марины.

– Ты не работаешь сегодня. Почему ты там таскаешься?

– Кажется, ты снова повстречалась с чёрной кошкой. Или тебе просто нравится злиться.

– Домой, когда придёшь? Кстати. А что ты ела?

– Что нашла в холодильнике, то и ела. Вернусь ближе к вечеру. Хочу с друзьями посидеть.

– Ладно, не выключай телефон и не засиживайся. И не ешь там ничего, у тебя дом есть.

С этими словами она положила трубку. Всё так привычно. Этот её уставший холод, потому что на работе она выматывается, а я плохая дочь.

Отворив дверь магазинчика, колокольчики забренчали, радуясь мне. Музыка спокойно летала по помещению, Варня опрыскивали цветы и немного пританцовывала. Может быть, у неё есть третья способность, быть радостной? И как будто ничего её не тревожит в окружающем мире.

Она повернулась ко мне, и я моментально ощутила на себе её объятия. Как же в них спокойно. Я даже забыла на мгновение о грядущей смерти одного из нас. Но потом, я отстранила её от себя, и мне показалось, что она погрустнела от этого. Мама вернулась за кассу, не произнося ни слова. Тем временем, я позвонила Франду и попросила его прийти, как можно быстрее. Когда я положила трубку, мама смотрела на меня слегка выпученными глазами.

А с чего, собственно говоря, мне начать? Мы молча смотрели друг на друга, пока Франд не вошёл вместе с покупательницей. Он подошёл к маме и поцеловал её в щёку, а она обняла его, так же крепко, как и меня, а затем ушла к покупательнице. Он прокрутился на её рабочем стуле и устоялся на меня.

За последний год он так изменился. Стал более взрослым, умным, привлекательным, но оставался ничтожно одиноким. Он не нравился девчонкам, потому что было молчаливым, занудным, грустным, и иногда они его просто не замечали. Франд имел способность, становиться невидимым и делать такими же вещи, которых он касался. Иногда меня это завораживало, а иногда бесило. Поэтому я и Глумир

не любили играть с ним в прятки. Но с нами он был обычным, к нам он уже привык, и общение было терпимым, хотя казалось, будто всё, что он говорит, это всего лишь жалкая пародия на Глумира. Как – будто он старался брать с него пример, это было ужасно нелепо, потому что таким образом он закопал свою личность и полил всё это цементом. В общем – то Глумир и вся семья это знали, но мы ничего не могли с этим поделать. Франд был под колпаком и зависел от старшего брата, но это не мешало им вечно драться, ругаться и спорить. Хотя, всё было не так уж и плохо. Просто я драматизирую.

– Вы с Матвеем Бланком не просто одноклассники, верно?

– С этим... с этим?! Ты думаешь, я голубой? Сестра, как ты можешь так говорить!?

– Ты еще заплачь. Так, что у тебя с ним? Или мне начать пускать сплетни ан последнем году обучения?

– Мам! Она снова надо мной глумится!

– Как ребёнок.

– Дура! – Брат вскочил с места и ударил кулаком по столу, продолжая гневно смотреть на меня.

– Ну вот, вы как обычно. Родные мои, чего вы не поделили на этот раз?

– А где клиентка? – осмотрелась я по сторонам.

– Ушла только что. Подобрала симпатичный фикус и ушла. Хотите и вам фикусы подберём. Чуть не забыла!

Франд, завтра с Глумиром к 9 придите и помогите мне с разгрузкой. У нас будет новый товар.

Я замерла на доли секунды, но мам и Франд это заметили. Вся семья знала, что со мной в такие моменты, все они понимали, что я чувствую или пытались понять. И меня это вечно напрягало. Ведь Франд же не рассказывает, что он там подсмотрел, будучи невидимым, или мама не говорит, где пряталась пачка печенья. Сейчас я чувствую себя на арене цирка, или плакатом в кинотеатре. Радовало только то, что у нас в семье не я одна такая.

Я посмотрела на Франда, и стул под ним начал крутиться. Всё быстрее и быстрее. Его дурацкий смех усиливался со скоростью моего кручения стулом, а потом мама попросила, остановиться, и я остановила свои силы. Этого по-умного так просто не заткнуть.

У меня был достаточно хороший телекинез. Я старалась развивать его каждый день. В конце концов, мама хвалила меня, когда я совершала новое достижение. Например, в прошлом году, я подняла всю воду из пруда у нашего дома в воздух и при этом сохранила её форму. А потом вернула всё на место, не потеряв ни капли, ни рыбки, ничего. Мама сказала, что гордится мной.

– Хорошо, давайте посмотрим правде в глаза. Матвей завтра умрёт. Франд прибежит ко мне после того, как я уйду от тебя, и скажет, что нашёл труп в комнате. Убитому прошибли грудь из ружья, но так как я в этом не разбираюсь, то

из какого именно ружья, сказать мне могу. Он был голым, и еще много крови. Как обычно, пошёл сильный ливень. Ну, естественно, там была семья Матвея, женщины плакали. Франд был напуган, как ребёнок. А потом короли вечеринки, Главные. Они поклонились нам и отправились восвояси. А ливень всё шел, и я вернулась. И еще была хорошая погода. Вот, что удивительно, у семьи Бланк нет врагов. Они не объявляли вражду. Невинный шестнадцатилетний мальчик не мог кого – то довести до убийства. И вот мы снова стоим перед выбором. Ты понимаешь, о чём я, мам?

– Нет, мы не будем в это вмешиваться, дорогая – она протянула ко мне руку и погладила меня по голове, в знак утешения. – Его убил человек. Сомневаюсь, что мы сможем этому как – то помешать. Если ты спрячешь его завтра, то его убьют послезавтра. Кролин, конечно, может помочь, но стоит ли это того. Убить одного из нас, это очень серьёзный проступок. Тот, кто его убил, наверняка, знал, что он один из нас. Главные всё равно узнают, кто это сделал. Скорей всего преступник будет убит, точнее наказан. А Орлинас, он не из нашей семьи, понимаешь?

– Мама. Я..., то есть мы должны ему помочь. Я ему кое – что должен...

15 минут ушло на рассказ о том, как Матвей подшучивал над моим братом. Он рассказал, что у того есть фотографии, как Франд пробирается в девчачью раздевалку, прячет дневник, курит с Глумиром. И если Глумиру всё это проща-

лось, и все привыкли к тому, что он ведёт себя отвратительно и плюёт на правила, то для Франда это было непростительно, потому что он «завязал» и «встал на путь истинный».

Всё складывалось таким образом, что у Франда есть поводы убить Матвея. Передо мной сидит потенциальный убийца? Не верилось, что Франд может сорваться, но всё – таки именно он увидел труп первым или вторым. Так, кто захотел убить Матвея? Честно говоря, я не знала, что Матвей может издеваться над кем – то. Сам по себе он был тихим. У Матвея были спокойные способности. Он управлял своей материей, то есть мог проходить сквозь вещи. И он не контролировал свой щит. У убитого был автоматический щит против наших сил. Я не могла поднять его, Варния его бы не обнаружила, Франд не смог бы сделать его невидимым. Это было очень полезной способностью, из которой следовало, что убил его не один из нас. Хотя, наши могли бы застрелить его. Я посмотрела искоса на Франда. Может быть, я плохо знаю своего братишку? Нужно было что – то с этим делать, но нужно ли это было на самом деле? По словам Франда Матвей никогда не был тихоней. Он мог и задеть, и оскорбить. Кто из них мне врал? И врал ли вообще кто – то. Ведь недоговаривать, это не врать.

Вечером мы бухнулись на диван и оживлённо спорили с Глумиром, но долго это не продлилось. Мы начали щекотать друг друга и, скатившись с дивана, начали бой.

С моим братом было трудно сражаться на равных. Он

был мускулистым, быстрым, ловким и хитрым. Он занимался плаванием, поэтому мог выплыть из любого моего захвата. У Глумира были тёмные и всё время, торчащие волосы, которые он частенько сбрасывал. Большие и карие глаза, достались ему от его отца, а вот смуглая кожа от матери. А вот весь его хлам в голове, от чёртовой генетики.

Когда мы оба выбились из сил, то расплзлись по разным концам дивана и начали смеяться, при этом обзывая друг друга невинными словами, хотя их трудно назвать невинными, при других условиях, человек мог бы и обидеться, но только не мы. Глумир начал корчить рожицы, и я пнула его.

В комнату вошла мама с Франдом и Кролин. У Кролин текла кровь из носа, значит, она воспользовалась своими силами, но перестаралась. Моя сестра могла подробно описать будущее, но в пределах часа. То есть мы могли сказать ей, скажи, что будет завтра с десяти до одиннадцати, и она подробно описывала событие, которое нас интересовало. Кролин была почти, как я, но я видела всё и не могла этим управлять. Это приходило само, и я не понимала, кто выбирает, когда мне видеть будущее, а когда нет. При этом всё, я поняла, что некоторое будущее невозможно изменить. Как бы ты не старался, если смерти суждено случиться, она произойдёт, во что бы то ни стало. Вот такая вот она, беспощадная. В конце концов, за смерть мы платим смертью. Так что если спасти Матвея умрёт кто – то другой. Но, во – первых, он

не наша семья, мы не должны лезть в их дела. Во – вторых, достоин ли Матвей этого шанса на жизнь. И напоследок, тот кто убил Матвея, был нашим?

– Где Лекимочка? – пришла в себя сестра.

– Я на полу. Тут так умиротворяюще. Хочешь ко мне? Или ты уже стара для этого?

– Лекима, встань и посиди со мной. Мне так спокойно, когда ты рядом. По правде говоря, это сила изматывает меня, я так устала.

Я подняла своё тело в воздух с помощью силы и перенесла себя на диван к сестре. Она положила руки мне на голову и начала медленно перебирать мне волосы в ожидании мамы. У моей сестры всю жизнь были холодные руки. Сколько ей помню, всё время были такими ледышками, а вот щёки всегда полыхали румянцем. Кролин была худенькая и очень красивая. В детстве она занималась танцами, поэтому движения её были очень элегантно и точны. А еще она была очень умной, пожалуй, единственный её недостаток – это наивность. Уж слишком она была сентиментальной, а обмануть её, как конфетку у ребёнка отнять. Наверное, большая часть семьи любила её за это, но я любила её за нежность и отсутствие злобы. Она никогда не обижалась и всегда была мне рада, а что ей нужно для счастья в детстве?

Красота Кролин была неоспорима, но вот замуж она, в свои 26 лет, так и не вышла. У неё были красивые серые глаза, которые иногда меняли цвет. Длинные ресницы, ак-

куратные бровки, волнистые тёмные локоны, которые лезли в лицо. Родинка у уха. А её формы были для меня лишним поводом позавидовать. Вот такая вот у меня была сестра.

Когда пришла Варния, то электричество вырубил во всём доме. Я подняла голову на сестру. Она нервничала, а значит, её неуправляемая сила снова даёт о себе знать. Интересно только в нашем доме она вышибла свет или во всём районе? Ей это было по силам. Я положила голову ей на колени и стала рассматривать свои руки во мраке, пока мама с братом двигали диван, на котором лежал Глумир. Ох уж этот сорванец.

Потом мама зажгла свечи, ведь ей так не хотелось раз занавешивать шторы. Если есть люди, которые не любят солнце, то значит, им бы тут понравилось. Здесь даже по утрам было темно, так как обычно в таких семьях, как моя, шторы всегда были плотно задёрнуты. Когда к нам присоединились близнецы, Зем вечно их пугал, что умершие души подглядывают за нами через окна. Отчасти это было правдой.

«Седьмое небо» было не так далеко от нас и раз в месяц, в то самое злосчастное полнолуние мёртвые могли заглянуть к нам в окна, но в такие дни они были распахнуты, и мама радовалась больше обычного. Она считала, что нам нечего скрывать. Варния ведь жила вместе с Кролин, так как Зем уехал, а близнецам еще два года до совершеннолетия, да и я не собираюсь переезжать сюда. Сейчас было восемь вечера, а к 11 я обязательно должна быть дома. Комендантский час.

Я должна быть примерной девочкой, которая не огорчает маму, которая не пьёт, не спит с мальчиками, не курит. Зато читает книжки и поправляет локоны в косичке, одёргивая юбку к полу. Ужас, мне такой не стать никогда.

Наконец – то все уселись. Возникла та незабываемая атмосфера, которая воцарялась, когда мы все садились рядом друг с другом.

Это моя семья, которая иногда выводит из равновесия, злится на меня, но которая всегда любит. И я благодарна этой семье. Зема не хватало, потому что его не было в сети, и мы не могли позвонить ему в Skype. Кролин продолжала гладить мои волосы, а я засыпала от этого. Мама каждый раз умилялась, когда видела это, потому что мальчики сестре не давались, а Кролин любила всех гладить. Мама вообще всегда радовалась, когда я с кем – то ладила, потому что я не была душой компании или особо общительной. У Варнии же было много друзей. Она была общительной и приветливой с людьми, а я вот завела двух друзей за всю жизнь, которые предали меня. А с людьми не общалась, я либо избегала их, либо была слишком груба с ними. «Это всего лишь остроумие», иногда оправдывалась я, но мы понимали, что это просто защитная реакция. И единственный, кто меня в этом поддерживал, был Зем. Он понимал, что значит быть в стороне. Люди говорили мне, что – то вроде, «Ты такая странная», «Не корчи из себя особенную», «Веди себя нормально». Они и понятия не имели, какой я была странной. Но ме-

ня радовало, что если я рассержусь, то смогу контролировать свои силы и никого не убью, хотя, стоит мне захотеть, школа будет разбита в щепки. Но не стоит об этом думать. Мысли материальны.

– У Лекипочки такие шелковистые волосы, такой приятный натуральный цвет. Эх, не будь я так беспечна, то рассказала бы всё сразу. Извини, что заставила ждать.

– Начинай уже! – выкрикнул Глумир и обратился в маленького слонёнка, который начал хлопать ушами

– Кажется, кто – то снова использовал свою силу, наплевав на запрет – съязвила я.

– Глумир, вернись в своё обличье, пожалуйста – Попросила мама, и брат обернулся собой. Мелкий гадёныш.

– Я начну, мам. Лекима рассказала, что увидела она. А я увидела всё убийство. Матвея, то есть Орлиаса убил человек. Вот, что я видела.

Убийца быстро поднялся по лестнице, запыхался у двери. Он оперся рукой на дверь и оставил там отпечаток, а потом хотел позвонить, но почему – то отдернул руку и постучал в дверь. Ну, знаете эту мелодию, её еще Клара настукивает, когда готовит курицу. Тот мальчик быстро открыл ему дверь и затянул в квартиру. Они оба начали целоваться, причём так страстно, они явно были любовниками. – Тут сестра посмотрела на меня, но я так и не поняла с каким налёком. – Потом убийца разделся и бросил большую чёрную сумку на диван. Потом тот, что пришёл, отправился в ван-

ную и стал мыть руки, и тогда он поднял голову и посмотрел на себя в зеркало. У него были карие глаза и расширенные зрачки, наверное, он был возбужден или под наркотиками. Наказание же не смягчается, если ты в наркотическом состоянии?

– Я бы тоже был возбуждён, если бы собирался убить человека – перебил Кролин Глумир, и истерично засмеялся вместе с Франдом. Мама щёлкнула ему полбу и кивнула в нашу сторону.

– У него была разбита нижняя губа. А еще у него была родинка на шее, такая маленькая совсем. Как у Лекимы на груди в детстве – конечно, куда же без упоминаний моих особенностей тела. – Потом он умыл лицо и улыбнулся, будто сожалел о том, что ему предстоит сделать или о чём – то другом, но это была грустная улыбка. Потом вышел из уборной и вошёл в спальню. А там, извиняюсь, конечно, но стоял этот парень, совсем голый и держал в руках наручники, как бы зазывая его поиграть. – сестра зажмурилась и встряхнула головой, ей и правда было неприятно об этом говорить. – Убийца сбросил с себя майку и подошёл к Орлинасу, но тут он что – то прошептал ему на ухо, и голый парень оживился, залез на кровать, а убийца стал что – то искать. И когда он нашёл спортивную сумку, то медленно расстегнул её и достал ружье. Парень моментально повернулся к Орлинасу, и кровь яркой вспышкой ударила мне глаза. Потом убийца стащил труп на пол и еще пару раз воткнул ему нож в сердце, и... он

плакал. Ему было больно. Я слышала его сердце, оно бешено колотилось в груди, как будто сопротивлялось происходящему. Потом этот парень переоделся, одежда была у него в сумке, и одел перчатки. Тогда он начал суматошно бегать по дому, но тут зазвонил телефон. Он даже не переживал на этот счёт, взял трубку, и – она отвела от меня взгляд и подняла голову на близнецов. – это был Франд, убийца кивал и улыбался, Франд тоже. Потом он положил трубку и продолжил бегать по дому, тогда он выпотрошил все шкафчики в большой комнате и взял маленькую коробку. Он забрал семейную коробку принадлежности. И быстро убежал из дома. Сбежал вниз по лестнице и тут же напоролся на чёрную машину. Парень осмотрелся по сторонам и заскочил в неё, когда машина отъехала, то к дому подошёл Франд. Брат постоял внизу немного и пошёл наверх. ...О, а его мысли, он проклинал убитого и в то же время радовался. Убийца не закрыл дверь, поэтому Франд легко вошёл внутрь. Он замялся на пороге. Я видела, как он открывал рот и не мог пройти дальше, я не слышала, что он говорил, потому что все мы знаем, что обычно мои видения немые. Как печально всё – таки. Я так и не знаю, сделает мне предложение Максим. Ой, извините. В общем Франд вошёл в комнату и сразу же упал у стены, он смотрел на труп пару минут, а потом у него перед глазами вспыхнула наша Лекимочка и он сорвался с места. Я никогда и не думала, что братец может так быстро бегать. Он моментально домчался до её дома, а там неловко схватил её

за руку, а она, когда пыталась повернуться, не так поставила ногу и упала. Моя милая, надеюсь, ты не ушиблась, но ничего, я бы подумала на твою болячку.

– Фу! Мама, она снова свои нежности Лекиме говорит. Меня сейчас вырвет – начал свои вопли Глумир от нетерпения.

Я поправила прядь волос, а он грохнулся с дивана на пол, а потом протащился по нему пару метров и уткнулся головой в стену. Как хорошо обладать телекинезом. Мне нравилось применять свою силу против него, особенно когда он был слишком противным. Вся семья считала, что мы с Глумиром переваривать друг друга не можем.

Я погладила Кролин по коленке, чтобы она не беспокоилась, будто её сестра против нежности в свой адрес. Я понимала, что ей это необходимо.

– Глумир, если ты хочешь, то можешь идти. Так. Франд, что ты забыл у Орлинаса. Я не ошибаюсь, когда говорю, что в нашем городе только 13 дарований и больше 1.000.000 обычных людей, но тебе что – то понадобилось именно от Орлинаса из бланков.

– Мам, не злись, он ничего не сделал. Просто зашёл к своему однокласснику. Чего ты сразу серьёзной такой стала? – никчёмная попытка заступиться за брата провалилась.

– Лекима, помолчи, пожалуйста – отвернувшись от всех, я стала смотреть в потолок.

– Ну, мам, понимаешь. У этого придурка были мои фотки,

я же говорил. Он сказал, что покажет их моей родне. Я запаниковал, но он требовал денег. И я как раз завтра... ну, ты сказал, что завтра я отработаю, и ты дашь мне денег. Мам, ну я, короче не могу этого допустить. Пойми, мне нужно было забрать эти фотки любой ценой, как можно раньше. Просто, блин, мам, моя родня не должна была узнать, что я курил. Я уже бросил! Клянусь, мам. Прости, пожалуйста.

Это было жалкое зрелище, которое я всегда избегала, но, сожалению, это не всегда удавалось.

Варния отвесила ему хороший подзатыльник, и ушла в другую комнату. Наверное, он мог сейчас заплакать, но вместо этого выбежал на улицу. Мама крикнула, что мне уже пора, иначе и у меня тоже будут проблемы. Тоже?

Кролин расстроилась, стала упрашивать маму, чтобы я еще осталась, но я сама уже стояла у порога и зашнуровывала кроссовки, которые успела скинуть, прежде чем Глумир накинулся на меня. Сестра встала и поцеловала меня в щёчку, а потом пошла на второй этаж, к себе. Я закончила с обувью, и ко мне вышла мама, подавленная и с красными глазами. Вытащив платок из кармана, я отправила его ей по воздуху, так как применить силу для меня было проще, чем снимать обувь. Она взяла платок и, подойдя ко мне, начала крепко обнимать. Хотя это больше походило на удушье. Наверное, я её так сильно любила, потому что она нуждалась во мне, это было чрезвычайно важно для меня. Я нуждалась в ней не меньше.

Мы так стояли и обнимались, и я вспоминала, как меня только привели в их дом, как на пороге стояла мама и улыбалась мне изо всех сил. Как сестра сразу же подняла меня на руки и закружила, называя прекрасным созданием. Зем, поправил очки не переносице и присев на корточки пожал мне руку, так по взрослому, что изначально я даже влюбилась в него, Кролин потом призналась мне, что это было заметно, так как глаз я от него вообще почти не отводила и смущала его этим, как никак, я была маленькая. Когда я попробовала его обнять, он отстранился от меня. Брат только через три года первый раз обнял меня, а потом и остальных, это был особенный день. Я была так счастлива, что оказалась в их доме. Там мне все были рады. Мама очень вкусно готовила, а шутки Кролин всегда меня забавляли. Сестра любила меня больше всего на свете. Когда – то ей сказали, что она не может иметь детей. Тогда сестрёнка отчаялась. Мама рассказывала, что та заперлась в комнате не выходила оттуда неделями. Много плакала. Стала бледной, исхудала и совсем перестала быть на себя похожей. Но, когда она узнала, что в их семью отправляют меня, то сразу же ожила. Она ждала меня каждую секунду, и брат даже боялся, что когда я приду, она задушит меня в объятиях. Зем готов был защищать меня в любую секунду, как будто в его глазах я была такой крошечной и слабой. Он даже забирал меня из школы с первого по третий класс, а потом перестал, так как сказал, что я уже стала взрослой, но иногда всё же меня забирала

Клара или он сам. Брат стал меня воспитывать, когда я бывала у них, учил быть самостоятельной, серьёзной. Он занимался мной больше, чем мама. Но как бы Варния не считала себя учителем, она понимала, что всё, что мне нужно, мне дадут её дети, в которых она всё еще вкладывает всю себя, без остатка. И она была права.

Послышалось, как по лестнице сбегает Глумир, на мгновение он остановился, а потом я услышала его недовольный стон. Он начал бурчать, какие же мы девочки дуры. Потом накинул ветровку, кроссовки и, схватив меня за руку, вытащил на улицу. Мама помахала нам рукой и одарила своей улыбкой, а затем я захлопнула дверь силой. Вот так закончился очередной вечер в этом доме.

Франда уже не было, ту вообще почти никого не было. Где – то вдалеке какие – то дети куда – то бежали, скорей всего домой. У них комендантский час, если я не ошибаюсь. У меня он тоже есть, но мне осталось совсем недолго ждать, да и если что, я сумею выкарабкаться из затруднительного положения. В конце концов, гипотетически я умею летать, хотя никто не должен знать об этом. Глумир пошёл со мной в одну сторону, он всегда возвращался домой поздно, наверное, он хорошо треплет нервы своим родным. Хотя Франд тоже не подарок, да, кто из нас вообще подарок. Мне кажется, что родителям, было бы скучно иметь слишком правильных детей. Поэтому все мы рождаемся с «придурью» и немного плохим характером. Конечно, можно было бы по-

стараться и стать лучше, но дети считают, что родители их и такими вытерпят, и такими будут любить. Любите нас, какие мы есть или откажитесь, чтобы не издеваться над нами и самими собой. Ведь никому не нужен нелюбимый ребенок. В любом случае, нам бы это было не страшно. И меня, и Глумира, и Франда сразу бы удочерили и усыновили наши родители по силе, а вот других детей мне немного жаль, но там ведь всё равно не убивают, хотя есть процент смертей. В любом случае, против судьбы сложно идти.

На улице была замечательная погода. Мне нравились такие спокойные вечера, когда никто не мешает тебе жить, когда ты остаёшься наедине с самим собой. Или, в конце концов, родным человеком. Если Глумира так можно было называть.

– Есть сигареты? Шучу, я и так знаю, что есть. Гони. Ну, давай, не жиди.

Я протянула ему сигареты, а он зажёл их нам обоим. Он первым выпустил дым и задышал свободой. Брат вечно тырил у меня сигареты, и никогда, не мог попросить нормально, но в этом и был весь Глумир. Он всегда был таким, и не желал меняться, устраивая самого себя себя, да и все остальные привыкли. Я выпускала дым медленно и затягивалась реже его, когда он уже давно выбрасывал сигарету, моя все еще была со мной. Я не нуждалась в этом, но почему – то иногда позволяла себе это. А куда же без них?

Никто не идеален – вот лучшее оправдание всем нашим

грехам. В такие моменты, когда мы с братом не издевались друг над другом или не дурачились, то со стороны, мы выглядели, как обычные друзья. Какой обман.

Вообще ведь не пришло бы никому в голову, что мы родственники. Нас ничего не связывало, кроме силы и общих проблем. Глумир вообще не очень любил нашу семью, он желал вырваться отсюда куда –нибудь подальше. Поэтому чаще всего он обращался в собаку и убегал куда –нибудь и никто не мог его остановить. На самом деле, мы и не пытались. Каждый старался понять его и не тревожил, когда он собирался остаться наедине с самим собой. Брат так же, как и Матвей собирался уходить после 9 класса из школы и стать... а кем он собирался стать?

Мама что – то говорила о его решении, и старалась уважать его выбор, но на самом деле она этого не одобряла. Хотя мама вообще одобряла малый круг профессий. Например, она была против того, что Кролин вообще стала репетитором, хотя могла бы стать замечательным ветеринаром. Варния была за медицину. Считала, что в этом вся сила. Сама же не была способна лечить, да и профессию по жизни так и не выбрала. Она работала нянечкой у богатых детей, которые родились с золотой ложкой во рту. А потом открыла три магазина и кафешку. В общем – то это был совместный бизнес с той самой семьёй, которая когда – то наняла её, как няню. Оказалось, что моя мама ничего такой бизнесмен, то есть бизнес – women. Она получала прибыль от трёх

магазинов и кафешки в размере 55%. Но потом ей достался весь цветочный магазин. Она проводила в нём большую часть дня и была вполне довольна своим положением. Денег у нас и в самом деле было так много, что хватало бы на обслугу и прихоти всей семьи. Мама могла бы оплатить учёбу в другой стране, и шопинг в самых дорогих бутиках. Но никто из нас ничего этого не хотел. И обслуга не требовалась. И шопинг не тоже, кроме Кролин. Она любила всё это.

– Так значит, этого паренька замочил его дружок? – вырвали меня из моих мыслей.

– С родинкой на шее и спортивной сумкой носился только один гей – мальчик. Так жаль, что он стал чей – то пешкой. Сам бы он не додумался украсть и убить.

– Я слышал, кто – то раньше специально крал семейные коробки принадлежности. Чтобы вызвать... Бога?

– Сатану. Десять разбитых и омытых кровью коробок принадлежности призывают Дьявола мира сего. Если ты совсем не знаешь нашей истории, то молчи лучше, бестолковый

– Ой, зануда. Зануда. Зануда. Чёрт! – Глумир «споткнулся», удивительно, ведь тут не было и камешка.

– Ты осторожней, братик, а то так и лоб расшибить недолго. Но, в самом деле, кто – то его науськал, чтобы он украл её. У этого парня явно не могло быть такой машины, да и Матвей не говорил ему о своей силе. Значит, это сделал кто – то другой.

– И он точно не один. Это 4 кража коробки за месяц.

– Вот оно как.

На пару минут мы замолчали. Мне оставалось до дома еще минут двадцать или больше. Город был таким огромным, что даже дождь шёл не во всех местах, но не всегда. Иногда весь город оплакивался, потому что кто – то умер из людей с силой. Может быть, завтра будет так же. На улице становилось всё темней и прохладней. Глумир стащил у меня еще одну сигарету и снова задымил, надеюсь, его мама не узнает. Хотя, что ему с того? Он уже давно неуправляемый маленький ребёнок.

– Нам надо убить этого дебила – затушил сигарету брат и выдал гениальное умозаключение.

– Ты знаешь его адрес? Ты знаешь, как его убить? Ты знаешь, как избавиться от тела? Ты знаешь, что у него есть семья? Ах, ну ты, конечно же, знаешь, что лимит у нас на всю жизнь один.

– Да ну, блин, я так никогда не исчерпаю его!

– Тебе так не терпится убить человека? По законам, мы должны жить с ними в мире. Мы имеем право убить их только в целях самозащиты, на это нам и дан лимит 100 убийств за жизнь.

– Это и есть защита. Нашего приятеля, он сам же не смог себя защитить.

– Не сможет, Глумир. Это еще только будет.

Мы снова замолчали и в такой тишине дошли до моего дома. Стукнувшись кулаками, брат обратился в собаку и со-

рвался с места в сторону своего дома, или кто знает, куда он потом свернёт. Я же в это время закрыла глаза, напрягла свои жилки. И стала медленно вытягивать сигаретный дым из себя. Да, я развивала свою способность во всех её направлениях. Мне бы даже удалось убить человека, просто вытянув из него кровь или наоборот, собрав её в одной точке и он бы умер. Я могла убивать. Просто потому что, моя сила должна была быть моей всецело.

Когда я вытянула весь дым, то просто отпустила его в воздух. Его не должно быть со мной. Огорчать сегодня мою родную маму не хотелось.

Я открыла квартиру своим ключом и, бросив его на тумбочку в прихожей, стала озираться. В доме пахло чем – то жареным и было шумно, значит она на кухне.

Быстро переодевшись, я зашла к ней на кухню. Она ничего не готовила, просто стояла, опершись руками на кухонную тумбочку. Чайник почти кипел и при этом издавал не самые приятные звуки. Ну, это было нормально, просто мне не нравилось кипение воды.

– Ты где была? – повернулась она ко мне. На её лице выражалась усталость и лёгкая раздражённость.

– У друзей. Я же говорила, после работы пойду и посижу у них. Мы поболтали и подурачились. В общем, весело провели время. Отрываюсь, так сказать, на своих каникулах. А тебе была нужна моя помощь или что – то случилось? – я села на стул, и пожав под себя ногу, начала барабанить ме-

лодию по столу. Привычка.

– Да нет, всё в порядке. Просто устала очень сильно. Есть будешь? И я тебе говорила, чтоб ты не сидела у своих друзей. Не надоедай им. Ты, наверное, у них поела?

– Нет, мам. Я им не надоедаю. Они мои друзья, которые не кормили меня сегодня, но есть, я всё равно не буду. А ты чего торчишь на кухне, уже поздно.

– Чай заваривала. Я трюфелей купила, хочешь? – она присела на соседний стул.

– О, трюфели, мои любимые, да? Я прямо чувствую, как слюна набирается во рту, но всё равно я не голодна. У меня почему – то совсем нет аппетита. Прости, мам. Я пойду к себе.

Я поцеловала её в щёку, затем отправилась в свою комнату. Почти сразу же упала на кровать и погрузилась в мечты о скорейшем сне. Но лечь так рано не в моих правилах. К чёрту режим дня или какое – то расписание с графиком, кому оно надо? Я отправилась в душ, это должно было взбодрить меня. Струи горячей воды могут привести в себя любого человека, только если он еще жив.

Когда на часах стукнуло 00:00, мама уже спала, а тусклый свет от ноутбука озарил всю комнату. Я притянула тёплую кофту и, укутавшись в неё, села удобней в кресло и стала залипать в Интернете. Как обычно не занималась чем – то толковым. Посмотрела пару серий сериала, стала вычитывать новую информацию в сообществах, которые всегда бы-

ли мне рады, ибо я готова была оспорить любой факт, а им нравились этим мои оживлённые споры.

Мой интернет – собеседник, когда – то говорил, что вся сила в информации. Без информации не было бы этого мира, не было бы нас. Что все мы просто сгустки информации, которые пополняют себя. Есть большие сгустки, есть маленькие. В Интернете ты сам решаешь, кем быть. Тут над тобой не властны общепринятые правила или законы неудачников в школе. Обычно люди тут не являются теми, кем они стали за жизнь, тут они свои собственные мечты или идеалы.

Как обычно у меня началась активная переписка с одной девушкой, чьи убеждения противоречили моим, но вскоре этот спор я окончила так как, на экране высветился звонок от Паши. Ну, Зем сам подписался в скайпе своим человеческим именем, так что официально мне звонил Паша.

Я ответила, и сразу же передо мной в мониторе появился Зем. Он поправил очки, зажёл настольную лампу, чтобы я лучше видела его. Обычно мне не приходилось включать видеосвязь. Потому что моя родная мама говорит, что я не сижу на стуле, а валяюсь, что очень странно, как я всё ещё снизу умудряюсь замечать монитор. Ах да, еще у меня ужасный бардак в комнате, по словам мамы. А мне нравится. Чувствую себя искателем по утрам или вечером, когда нужно что – то отыскать. И мне нравится убираться, когда завал мешает ходить по комнате, разбирать кучу и раскладывать всё по своим местам, а потом в чистой комнате снова набро-

сать хламу.

Зем услышал мой придурковатый смех и тоже улыбнулся.

– Привет, братец

– Привет. Вижу, вы без меня и дня прожить спокойно не можете. Надеюсь, ты не собираешься в это ввязываться.

– Уже, братец. Я ответственная за свои видения. И мне даже хочется спасти этого мальчика.

– Врёшь. Я прекрасно тебя знаю. Ты не хочешь его спасти. Тебя тревожит твоё очередное видение, и ты ощущаешь важность всего происходящего, но не собираешься ничего делать.

– Не будь так уверен. Вот увидишь, завтра пойду и прибую этого убийцу, прежде, чем он успеет, что – то сделать.

– Не смей этого делать, Лекима.

Я собиралась ему возразить, но тут пришло сообщение с прикреплённой видеозаписью, оно было от Матвея. Я предупредила Зема, что на пару минут отлучусь. Он немного забеспокоился, но сурово кивнул в знак согласия. Открыв видеозапись, я увидела перед собой драку. Какой – то высокий парень ударил девушку, потом я услышала голос Матвея, который что – то кричал непонятное. Высокий парень подошёл к Матвею и взял его за шиворот, но тут врзался в кадр мальчик Матвея и отшвырнул нападавшего. Потом я услышала крик: «Руслан!». Тот очнулся и нанёс удар Руслану, тогда завязалась драка. Вдруг видео оборвалось. Потом видно, как у парня Матвея, течёт кровь из губы, а девушка сидит

и плачет у ног избитого нападавшего. Тут будущий труп целует будущего убийцу, и они начинают обниматься. Видео заканчивает тем, что девушка, которая всё это снимала, поворачивает камеру на себя и пожимает плечами. Я включаю звук и выдыхаю. Просмотр Санта Барбары Закончен. Всем спасибо за внимание.

– Наш убийца получил разбитую губу, которую увидела Кролин. Всё идёт к своему логическому происшествию.

– Я прошу тебя, Лекима, не лезь в это. Нет, я умоляю тебя. Если ты пострадаешь, я не переживу этого.

– А что если следующая наша коробка? Ведь тот, кто надумил убить Орлинаса, собирает эти коробки. А в нашем городе их всего три. И все три семьи могут стать лёгкими жертвами. Хочешь, чтобы пострадала вся семья? Ты знаешь, что происходит с членами семьи, когда исчезает коробка.

– Одного из членов семьи погружают в сон и приковывают к стене, чтобы его силы оберегали этот дом и были символическим убежищем. Но, как правило, этого хватает только на 50 лет.

– То есть вместо коробки семейной принадлежности, в которой лежит частичка первого из нашей семьи, будет живой труп. Иначе люди будут чувствовать в нас зло и будет, как с ведьмами в книгах. Лучше я просто пострадаю, чем кто – то станет висеть у нас дома, или у Орлинаса.

– Пускай они перепрячут коробку. Пускай спрячут её не у этого юнца! Ты тут не при чём!

– Но ведь если сказать им это, они запаникуют. Они решат, что справятся сами с убийцей и умрёт кто – то другой. Или просто те люди возьмутся за другую коробку. Я не знаю, что мне делать, но хочу это остановить.

Я опустила голову на стол и начала катать её из стороны в сторону. Мне было паршиво от того, что я, в самом деле, не смогу ничем помочь. Если бы всё было иначе. Если бы я этого не видела. Чёрт.

– Я думаю, что ты всё сделаешь правильно. Ты ведь моя сестрёнка. Я верю в победу. Хочешь, поиграем в шахматы?

– Не сегодня. Извини, но я, наверное, всё-таки пойду спать. Скорей всего завтра будет трудный день. Спасибо за поддержку. Давай, до завтра.

– Спокойной ночи.

Мы одновременно выключились. Я не хотела просыпаться завтра. Я просто хотела заснуть на пару дней. Может быть, мне предстоит еще долго и много спать. Ведь если что – то случится, я сама повешу себя на стену. Никому не позволю страдать.

По утрам у меня всегда ломит кости. Это не значит, что видение начало сбываться, это значит, что по утрам у меня абсолютно всегда ломит кости. Я называю это: «Ощущи себя старушкой». В самом деле, я привыкла к этому чувству по утрам. Привыкла к тому, что: несмотря на солнце-пёк, на боль в теле, на хроническое недосыпание, на лень, на всё в мире, нужно вставать и идти делать дела. И что мне

теперь сегодня, делать всё – никак в сновидении. Наверное, всё-таки не стоило вчера отпускать Матвея.

Да, в такие дни, как вчера или сегодня, кажется, что слово «вчера» имеет какое – то вековое значение. То есть: «вчера было 500 лет назад». «Вот это было вчера, вот это были времена!».

Я смотрела на рыбок, которые плавно плыли у меня над головой. Видимо мама, прежде, чем уйти на работу, осмелилась зайти в мои трущобы мусора и открыть окно, чтобы я не задохнулась. Мама знала, как я отношусь к солнцепёку и вообще дневному времени суток, поэтому стала реже кричать на тему того, что я почти не сплю ночами. Да и вообще, она стала реже кричать, может быть, потому что скоро мне предстоит поступать в университет. Может быть, потому что я не буду с ней жить.

Кролин говорила, что сразу после совершеннолетия переехала в наш дом. Тогда еще была жива бабушка, а отец не спился и не проиграл собственную жизнь людям. Сестра помнила те времена, которые мы не застали, когда Зем был таким же маленьким, как я, когда меня только привели в дом. То есть Кролин ощутимо была старше нас. Зему же было всего лишь 21 лет.

Я медленно натянула джинсы и майку поверх всего этого бейсболку. Сегодня я встала раньше обычного. То есть, всё уже пошло не так, как вчера. Я села на кровать и стала вспоминать. Минуты, секунды, часы обвили меня цепочкой

и стали сковывать мои глаза пеленой будущего.

Значит так, когда я проснулась, то лежала и смотрела на рыбки. Таким образом, прошло минут 15, а я затем начала одевать другую одежду и чуть не споткнулась на шарике. Значит, время сдвинулось на 45 минут. Я успею добежать до мамы.

Я одела свои кроссовки,хватила ранец и побежала к маме. Честно говоря, до звания бегуна мне далеко. Я любитель медленной прогулки под луной, то есть очень медленной. Бегать сегодня, не входило в мои планы, но конструкция дня медленно выстраивалась у меня в голове. Если я дам ему умереть, это будет не моя вина, поэтому надо бежать к маме. Забег продолжался недолго, минут 20, а потом я выбилась из сил и пошла пешком. Я старалась всё равно ступать быстрее, так как интервал времени сокращался. Даже если просто считать, то у меня еще в запасе есть полчаса, так как встала я раньше, и не делала того, что было в видении.

Тогда ноги перестали меня слушать, и я подумала использовать силу, но людей на улицах было полно. Плохая идея. Я смотрела по сторонам, будто ждала помощи откуда – то, но потом я выдохнула и несмотря на бешеное сердцебиение у меня в груди, пошла дальше, потому что мозг говорил моим ногам, идти. Жестокие расчёты убивали мои драгоценные минуты.

И тут. О, чудо!

Я увидела машину Варнии, значит в ней либо есть Клара,

либо она где – то рядом. Я присела на корточки, потому что от радости сил стало еще меньше. Подняла камешек и отправила его по воздуху в окно машины. Потом стала двигать его взад и вперед, тем самым стучась в переднее правое окно. Клара вышла из машины и, осмотревшись по сторонам, наконец – то заметила меня. Булочка, чтобы была у неё во рту, выпала и она побежала ко мне. До меня доносилось, как она постукивала каблучками по асфальту и громко охала, называя меня госпожой.

Потом я залезла в машину и попросила отвести меня к маме. Она ответила, что та уже на работе и повезёт меня туда только после выполнения обещания, то есть купить новые шторы. Я стала проваливаться в сон. Всё – таки солнечные лучи убивают меня. Поэтому люди не встречают нас на улицах. Все мы плохо реагируем на солнце, некоторые так вообще его терпеть не могут.

Рассматривая в окне пролетающие мимо картины, я видела перед собой только цепи времени, которые состояли из цифр, и моя уже, как фитиль, сгорала. Я боялась, что если она догорит, всё взорвётся. Тут я увидела знакомую улицу, и немного постаравшись, остановила машину. Это всего лишь – то нужно было разобраться, где педаль газа, а где тормоз. Выскочив из машины, я помахала рукой Кларе и убежала прочь. Пробежав за 3 минуты два двора, я оказалась у дороги. По ней так и неслись машины, одна за другой, не давая проходу воздуху. Но тут загорелся красный свет, и я побе-

жала дальше. Преодолев дорогу и обогнув пару киосков, я оказалась у маминого магазина.

За доли секунды, я заскочила в магазин, метнулась к проигрывателю и вставила диск с какой – то кантри музыкой. В магазине упали часы. У меня на глазах, разорвалась цепь из секунд, которая была окрашена в кроваво – красный цвет. За ней тянулись еще сотни, но они замерли. Теперь им не суждено было попасть в мой промежуток видения, я изменила своё будущее. Но только своё. Это значит, что теперь я не упаду, когда Франд схватит меня за руку. И не буду поднимать тело сестры покойного. Это значит, что сегодня я снова непредсказуема. А смерть – нет.

– Мама. Мам, я пришла. Мама!

– А, что? Лекима? Почему... Часы упали... ты сменила свой путь на будущее. Значит, ты решила так. Ну что ж! Я готова поучаствовать в твоём плане. Не беспокойся, я поддержу тебя в любом случае! – она радостно потёрла ладоши и посмотрела на меня с задорной искоркой в глазах.

– Я так люблю тебя. А теперь нужно позвонить Франду и Глумиру, пускай приходят сейчас. Клара поехала за шторами, но после этого она тоже должна быть тут. Неплохо бы было и Кролин здесь оказаться.

– Слушаюсь! – она отдала честь и пошла за телефоном.

Я же села за кассу и стала выписывать минуты и часы происходящего. Затем, притянула метлу и начала подметать магазин. В любом случае, нужно помнить свои обязанности,

так как посетителям наплевать на нас. Они даже и не думают о «магии».

Вскоре прибежали мальчишки, смеясь, и перекрикивая друг друга, они рассказывали о том, как кто – то смешно упал в воду, и Глумиру пришлось спасти бедолагу. Потом мы пошли в подвал, но мама осталась наверху. Мальчишки могли быть серьёзными, например, когда я их просила об этом, немного повысив голос. Мы сидели у стены и кидали камешки в никуда, соревнуясь, кто дальше кинет.

– Фрاند – начала я – сделай камешек невидимым

– Да, пожалуйста – камень в его руках испарился

– А теперь меня – он прикоснулся ко мне, и мурашки пробежали у меня по телу. – Лежим, я не вижу тебя. Брат подтвердит.

– Ага – кивнул Глумир, даже не смотря на нас.

– Отлично. Франд, мне нужно, чтобы ты сделал невидимым то, что я попрошу и когда я попрошу. А, Глумир, когда я скажу, обернётся котом или собакой. Но лучше собакой. Только давай без показов, просто в дворнягу какую – нибудь. Чтобы не привлекать внимания. Договорились?

Они оба одновременно кивнули и кинули камешки в стену. В комнату вбежала Кролин и разрушила всю нашу серьёзную атмосферу. На ней было голубое платье в пол и шляпка с широкими полями, солнцезащитные очки повисли на сумочке. Она радостно улыбалась, когда бросилась ко мне обниматься. Мальчишки сразу отползли от нас подальше,

а я обняла её и поцеловала в щёку.

– Я всё знаю. Я знаю, о чём вы тут говорили, и будете говорить. Хорошо, я поведу машину. Кстати, а почему я? Клара тоже хорошо водит

– Так надо. Клара всё равно прил. Пускай останется с хозяйкой. Да и её повадки с последнего перевоплощения не прошли. А у нас уже есть одна «псина».

– Здорово, здорово!

– Агнесия, да прекрати ты уже прыгать на месте и вести себя, как ребёнок. Мужчинам не очень – то нравится такое поведение – заныл брат, называя сестру по – человеческому имени, делая тем самым акцент, что ему действительно противно.

– А где ты тут увидел мужчину? – съязвила я, в ответ Глумиру.

Кролин с мальчиками пошли наверх, а я еще собиралась кое – что сделать. Мне нужна Казира. Я сосредоточилась на мысли о ней, и мысленно стала её звать. Но потом сразу же залилась смехом. Как – будто у меня есть супер – способности и есть магическое животное, которое я могу призвать, когда мне вздумается. Сама придёт, когда ей надо будет. Она такая независимая.

– Ой, Лекима. Мальчики уже в машине. Слушай, нельзя так выпрыгивать из машины. Я нее сказала твоей маме, но она бы точно огорчилась.

– Клар, ты ей не сказала, потому что не хочешь расстраи-

вать свою хозяйку. Ты это делала не в моих целях, так что мне наплевать. Где мама?

– Хозяйка у машины. Говорит с мальчиками и Кролин. Удачи Вам.

– Спасибо. И запомни, несмотря на твой нынешний человеческий вид, для меня ты так и останешься псиной.

Молнии между нами сверкнули, я вышла из магазина. Прилы иногда думают о себе намного больше, чем стоило бы. В общем – то я не относилась к прилам, как низшим существам, потому что некоторые из них могли бы прихлопнуть меня, как муху.

Иногда меня называли семейным зубрилой, потому что я читала и читала нашу историю. Изучала всё, что касается нас. Знала всё, что когда – либо было написано и рассказано, но всё это, конечно, были базовые знания. Поэтому, когда Зем уехал учиться, все рассчитывали в основном на меня.

Тем не менее, несмотря на острую обстановку и мои всё еще несформировавшиеся идеи, внутри меня нарастало чувство чего – то большого и страшного. Казалось, что всё это просто так не закончится. И именно это пугало меня.

– Ты чего такая бледная? – сразу же набросилась мама.

– Лекима? Бледная? Что с моей крошкой?! – Кролин выскочила из машины и принялась меня осматривать.

– Так. Моя дорогая и любимая семья, со мной всё в порядке. А теперь мы можем сесть в машину и поехать к дому Матвея, так как цепочки времени, что у меня в голове, во-

обще – то не думают останавливаться.

– Так мы будем спасать этого уродца? – высунул голову из машины Глумир.

Мама на него грозно посмотрела, а я залезла на переднее сиденье, и мы отправились к дому Орлиаса, по указаниям Франда. Поездка обещала быть двадцатиминутной, а это значило, что можно вздремнуть.

Когда сон прошёл, то мы уже были у дома Матвея. Я взгляну на цепи, что нарисовала еще в магазине. Руслан должен был прийти через 47 минут. Я осмотрела всё, что могла в окне, а потом услышала ссору мальчиков.

– Да ты совсем неудачник!

– Ты на себя посмотри! С твоей силой, только людей смешить!

– Завидууй в кулак!

– Давай! Я тебе все зубы выбью, придурок!

– Мальчики! Мальчики, не деритесь, пожалуйста. Ну, ребята!

– Кролин, это бесполезно. Они же не отличаются у нас спокойствием и послушанием. Поэтому просто берём и применяем силу.

Я посмотрела назад, и мальчики разъехались по разным концам заднего сиденья. Сначала они еще тянули друг к другу руки и ноги, но потом до них дошло, что я держу их силой, и все их попытки сопротивления – бесполезны.

– Так что у вас тут произошло?

– Франд не может нормально силу использовать! Его не хватает! Слабак.

Я выскочила из машины, и попросила Франда открыть окно. Взяв его за руку, попросила использовать силу. Я протянула по нему часть своей физической силы, потому что мы, всей семьёй, были соединены союзом духа. Я могла его чувствовать, а он меня.

Машина моментально стала невидимой, а Франд более живым, а вот я устала.

– Лекима?! – я резко обернулась и шепнула Франду закрыть окно.

– Матвей? Ты... чего шляешься? Ты через окна за мной наблюдаешь?

– Эм.. Зачем мне наблюдать за тобой через окна? У тебя всё в порядке? Хотя не важно. Ты видела вчерашнее видео? Видела, как мой Руслан заступился за меня? Видела?

Он снова подскочил ко мне вплотную, и мне стало душно. В огромном городе, где люди не считают нужным здороваться. Где жизнь кипит настолько, что камешку упасть негде, именно мне, стало душно.

– Да видела я, видела – оттолкнув его от себя, поправила бейсболку.

– Ужас. Я так перепугался за него. Ох, мой милый самый лучший на свете. Я готовлю ему романтический сюрприз. Я уверен, что ему это понравится. Ох, он такой сильный. Ах, Лекимочка.

– Заткнись – я закрыла ему рот рукой, и он устоял на меня. – Шагай домой и делай там уже свой сюрприз. У меня тут встреча, а ты мешаешь.

– У тебя? Встреча? Сожалею тому человеку, что должен проводить с тобой своё время.

– Проваливай уже.

Он показал язык и сразу же побежал к своему подъезду. Когда Матвей уже был внутри, я с облегчением выдохнула. А из машины выскочил Глумир. Он направился к тому же подъезду, но я перенесла его обратно к машине и повернула к себе лицом. Брат был в ярости. Этот подвид человека, ему ненавистен больше всего. Даже считая себя грубияном то, что делал Матвей, выходило за рамки, по его мнению. Я не знала, почему Матвей выбрал такую тактику поведения, да меня и не интересовало. Главное, чтобы Глумир сейчас не попался ему на глаза, и не завязалась драка. Это всё испортит.

– Дай я ему врежу! Всё равно он сдохнет! Лекима! Давай! Ну же! Этот ублюдок только что оскорблял тебя!

– Залезай в машину. Это его не изменит, а события повернутся другим ребром.

Мы оба залезли обратно. Франд утомившийся, и немного покрасневший, но довольный, продолжал скрывать нас. Он в отличие от меня с Глумиром редко применял свою силу, точнее редко тренировался. Если мы с братом посвящали этому много времени, если Зем развивал свою способность

даже в обычной жизни, то Франд не задумывался на эти темы. Ему хватало сделать себя или камешек невидимым. Сделать на пару часов целую машину прозрачной, было для него задачей не из лёгких. Поэтому Глумир тоже дал ему своей силы, да и Кролин тоже.

Мне не нравилось слабоволие Франда. Однажды Глумир тренировался так долго, что у него потекла кровь из носа, и он потерял сознание. Мама очень беспокоилась, потому что она любила его. Да и как ты объяснишь его родным родителям, что ваш сын обращается в животных, даже в тех, которые не существуют.

Глумир был сильным мальчиком. Иногда он звонил мне, во время ссор со своими родными, и мы встречались в какой –нибудь глуши. Брат просил у меня сигареты и долго молчал. Потом я говорила ему, что горжусь им, и он улыбался. Так, будто, не верил в это сам, но всё –таки не отрицал. Он был хорошим парнем. Только в личной жизни ему не ахти, как везло.

Во дворе появился Руслан. Он оглядывался по сторонам и стоял во дворе пару минут, а потом сорвался с места и побежал в подъезд к будущему труп. Кролин почему –то выдохнула и заметно расслабилась. Франд должен был позвонить им через 13 минут. Во двор заехала та самая чёрная машина. Она пристроилась где –то сбоку.

– Могли бы и поскромнее быть. Если у них три коробки семейной принадлежности, не значит, что нужно разъезжать

на таких крутых машинах.

– Глумир, а ты мог бы не бурчать?

Вскоре Франд позвонил и провёл стандартный разговор. Кролин просияла, потому что всё шло, как и должно быть, но ведь всё происходило, как надо, только в этом участке, на самом же деле, мир жил уже по другому плану.

Резкий звук битого стекла вывел нас всех из равновесия, камень вместе со стеклом упал на землю. Та машина тронулась, а из подъезда выскочил Руслан. Он моментально заскочил в машину. Где – то раздался какой – то крик. Они поехали через другой выход во дворе. Кролин завела машину, и мы тронулись за ними. Я погрузилась в свои мысли и сказала Франду взять меня за руку. У меня бы хватило сил, но ему вряд ли. Поэтому я подняла машину в воздух и давала ему своей силы, чтобы он продолжал оставлять её прозрачной.

Интересно, зачем я всё это делаю, если можно устроить обычную слежку? Но ведь следим мы не за обычными людьми, да и рой машин, которые под нами, будут только мешать. Так как летающие машины не изобрели, то приходится делать вот так, чтобы никто нас и не увидел. Всё должно идти своим чередом, без нас.

Проехав минут 20, они остановились у обочины и вышвырнули из машины паренька. У него ничего не было в руках. А Кролин сказала, что он мёртв. Глумир это тоже почувствовал. Вижу, что – то пошло не так.

В то же время, чёрная машина набрала скорость и ста-

ла преодолевать толпу других так стремительно, что Кролин начала сердиться.

В конце концов, мы приехали к каким – то жилым домам.

Из машины вышла тонкая и маленькая девушка. В руках у неё была коробка семейной принадлежности. Она прошла в маленький, неказистый домик, а через пару секунд из машины вышло двое мужчин. Они закурили.

Глумир обратился в собаку и, выбежав незаметно из машины, отправился к дому. Мы едва замечали, как он дошёл до этих мужчин и один из них потрепал его за ухом. Брат прошёл во двор, а дальше, нам оставалось ждать. Я попросила Кролин дать еще сил Франду. Она сделала это, взамен выпросив мои объятия и разрешение на вечерние посиделки. Моя родная мать, скоро убьёт меня за эти «посиделки». Но Кролин во мне нуждалась. Нуждалась больше, чем мы могли это себе представить. Мне удалось понять это, когда её слёзы высохли на моём теле, когда она ударила меня по щеке. Когда она бежала ко мне после моего отъезда. Когда она разругалась со всей семьёй ради меня. Когда она готова была отдать свою кровь мне, когда хотела украсть меня, на полном серьёзе. Она любила меня, как безумная. Я боялась этой любви, но принимала её, как могла. Потому что я чувствовала, что сестра, самый близкий человек на этом свете. Такого уже не будет никогда, потому, что такое бывает раз в жизни. Спасибо тем, кто дал мне это.

У меня, может быть, была и не идеальная семья. Близнецы

часто дрались, мама злилась на них. Кролин не замечала ничего, кроме меня и была ужасно неловкой. Зем был отстранён от всей семьи, казалось, будто он не с нами. У Варнии была фобия, и она заставляла Клару занавешивать занавески во всём доме, кроме одного окна.

Это было моё окно, в конце коридора на втором этаже. Окно там было огромное, и сидеть у него мне всегда нравилось, особенно в дождь. Обычно я была там зимой и читала книжку. Иногда мы сидели там вместе с Кролин, но чаще всего, я оставалась одна. Мне часто приходилось оставаться одной. Наверное, даже слишком часто.

В машину залез Глумир весь исцарапанный и запыхавшийся. Он махнул рукой, и мы поехали домой. Через 100 метров машина стала видимой, так как все мы очень вымотались. Но тут брат замахал, и Кролин пришлось остановиться, мы все были в недоумении. Он перегнулся через сиденье и открыл окно с моей стороны. Кролин смотрела на меня с каким – то непонятным выражением лица, а потом Казира запрыгнула мне на колени, и Глумир снова махнул в знак того, что мы можем ехать. Кошка устроилась у меня на коленях и, вылизав лапу, из которой текла кровь, усталилась на меня.

– Будешь и дальше смотреть на раненое животное?

Я закатила глаза и стала искать у мамы в бардачке бинты, перекись водорода. Варнии приходилось их возить с собой, потому что в нашей семье все разбивали коленки, руки и то-

му подобное. Быстро обработав ранку кошке, забинтовала лапу. Она оценила мою работу и улеглась на коленях.

Какая же она у меня привередливая. Чёрная, ухоженная, с опасными глазами, изящными манерами. Королевская кошка, кто таких заводит. Она была идеальна во всём. Во внешности, в уме, способностях. За счёт этого задирала нос до небес, но если что, она старалась выручить меня и никогда не оставляла в трудную минуту. А я за неё лезла в драку с собаками и забирала, когда с ней что – то случалось. Она ругала меня, что не может дождаться, когда уже мне стукнет 20 лет, чтобы сменить это кошачье тело. А меня всё и так устраивало.

Она задремала у меня на коленях, Глумир с Франдом на заднем сиденье уже во – всю сопели, у Кролин тоже был усталый вид, видимо она отдала много энергии Франду. Надо будет заняться его обучением. В любом случае рано им всем спать. Братец еще должен рассказать, что смог увидеть внутри, а потом пускай катятся на все 4 стороны. Никого не держу. Только вот Казира пойдёт со мной, потому что я по ней соскучилась.

Я считалась странной девушкой в любом обществе, и никуда меня не принимали. Поэтому я не тратила свою жизнь на развитие или на учёбу. Я прожигала её на воображаемые приключения или какую – нибудь информацию, то есть просмотр сериалов, споры в сообществах, чтение третьесортных романов, которые не случаются у меня, на поиски всяких

поделок, на оригами, на прогулки в одиночку и болтовню с кем – то из семьи. А еще, я прожигала здоровье, потому что так и не научилась ценить жизнь. Глупая.

На улице начался ливень. Такой мощный и яростный, что дворники не прекращали свою работу ни на минуту. «Прости меня» – произнесла я мысленно, действительно жалея о смерти Матвея. Всё – таки у него могло бы быть хорошее будущее.

Дождь застилал всё впереди, поэтому вид в окно стал неинтересным и однородным, даже меня потянуло в сон. Стало как – то тяжело и даже немного больно.

Когда мы приехали домой, то это выглядело так, словно наша машина это сонное царство, Клара не могла вытащить мальчиков из машины несколько минут, а Кролин брела вся измученная и спотыкалась на каждом шагу, несмотря на мамины вздохи. Я сидела на пороге и смотрела на этих бедных существ, чувствуя как ноги мои промокают. Варния пыталась разбудить мальчиков, тем самым помогая Кларе. Мне стало их жаль, нечего под таким ливнем копошиться.

Мысленно я открыла дверь, перенесла братьев на диван в гостиной. Женщины хлопали мне, а у сестры уже не было на это сил. Не чувствуя усталости, я сосредоточилась и направила пару струй дождя в дом, прямо на близнецов. Они тут же задёргались. Франд свалился с дивана и утащил за собой Глумира, но оба так и не проснулись. Кролин упала в кресло. Мама с Кларой смотрели на нас и не знали, что де-

лать. Мама улыбалась, когда смотрела на меня, потому что я, как супер герой, на взгляд была самой бодрой, я улыбалась ей в ответ. Через пару минут я лежала на полу без сознания.

Глава 2. Главные

Чувствую мягкий матрас под собой, кости совсем не ломят. Переворачиваюсь на другой бок и зарываюсь в подушки. Медленно утопаю в мягкости постели, на которой спала неизвестно, сколько времени.

Неожиданно я чувствую, что мне лизут щёку. По запаху понимаю, что это Казира. Мой прил в любой ситуации будет пахнуть по – особенному. Ты запоминаешь этот запах с рождения. Привыкаешь к нему, как можешь и узнаешь его в любой ситуации. Я приоткрыла один глаз и увидела на её лапке розовый бинтик, который был закреплён маленькими липучками, которые были у Клары специально для прилов.

Кошка улеглась рядом со мной и замурчала. Она не любила это делать, но ради меня готова была и на такое. Я легла на спину и почувствовала режущую боль. Она заставила меня вскрикнуть, так, что Казира вскочила и спрыгнула на пол, уставившись на меня. Я встала с кровати и метнулась к зеркалу. Сняв с себя майку, я повернулась спиной к зеркалу и увидела, что кожа была содрана, но вся обработана йодом и кое – где были закреплены пластыри. Значит, я всё – таки вчера перестаралась и сила, что внутри меня начала вытекать наружу.

Это происходит, когда ты пересиливаешь себя. Сила, что у нас внутри может разорвать на части. Когда мы используем

её слишком много, то происходит вот такая вот чушь, что у меня на спине. Но это могло произойти с любым участком тела. Например у меня могла бы быть ободрана кожа на руке или на ноге.

Сейчас всё там стало покрываться корочкой, значит, я не почувствовала это из – за шока. Это меня действительно расстроило, значит, я не такая сильная, какой мне хотелось казаться.

– Чёрт!

Я ударила кулаком о зеркало, и оно разбилось, кровь заструилась у меня по руке, но мне не было больно, мне хотелось плакать из – за того, что я слабая. Я считала, что не смогу заступиться за свою семью. Значит, нужно заниматься больше. Нужно тренироваться, иначе я ничего не добьюсь, иначе моё тело разорвёт. Иначе я снова умру.

Я села на пол, испачкав всё своей кровью, которая никак не могла остановиться. Когда согнулась, притянув колени к подбородку, спина заболела еще сильнее. Я смогла ощутить, как открепился пластырь, и почувствовать тёплую струйку, что потекла у меня по спине. Значит, всё так глубоко, я и правда слабая. Слезы не потекли из глаз, как ожидалось, они просто застряли там. Было ощущение будто внутри меня что – то есть, и это никак не может вылезти наверх. Я просто не могла подвести свою семью, которая так любила меня.

Пульсирующая боль у меня в руке стала усиливаться,

а кровь, что текла по спине обжигала. Свернувшись на полу клубочком, мне захотелось спать, и я ощутила, что снова проваливаюсь в сон. Когда глаза почти закрылись, я услышал, что в комнату кто – то вбежал. Мне показалось, что я слышала голос Зема и Кролин. За секунду до пропасти сна, я почувствовала чью – то холодную кожу у себя на щеке и горячие слёзы на плече. Простите.

– Кролин, не плачь...

Сквозь дрему я услышала, что в комнате кто – то разговаривает. У меня не было сил открывать глаза, кости уже ломали, а спина зверски нарывала.

– Это всё моя вина – всхлипывал женский голос, он был таким тихим.

– Успокойся. Она знала, на что идёт. Ничего страшного не произошло. Все мы знаем...

– Ничего мы не знаем, Зем. Мы не знаем, что с ней будет. Она не просыпается уже второй день. Её мать беспокоиться, а мы не можем всё время врать, что тут ей хорошо. Казира не так точно подделывает её голос, а Варния уже на изводе.

– Да, и успокоительных дома было бы больше, если бы ты тоже взяла себя в руки. Лекима на вашем месте и глазом не повела бы. Потому что она сильная. Ты меня слышала? Она справится. Верь в неё.

Кролин сжала мою руку. Потом я услышала шуршанье ткани и щелчок в двери. Какой – то предмет шкрябал по полу. Мои проблемы коснулись Зема, и он примчался домой.

Ему это стоило тяжелого перелёта, потому что он не любит самолёты, но иначе у него бы не получилось быть тут так скоро. Только Зем таскал стулья по полу, не поднимая их. Мне было жаль, что так получилось. Я считала, что могу помочь всем, и не пострадать сама. Но у меня не получилось.

– Ну что же. Сегодня я почитаю тебе о древних кельтских ритуалах. Знаешь, в них есть доля правды. Я совсем недавно их нашёл и решил, что нам обоим это будет интересно. Твоя рана кровоточила пару часов, потому что у этих глупых женщин тряслись руки, но я хорошо обработал рану и закрепил бинтами. Теперь всё будет в порядке. Мы справимся.

Он положил свою руку на мою, и я снова ощутила холодную кожу, что и на щеке. Я сжала пальцами его запястье, как могла. Но, кажется, сил у меня совсем не было.

– Лекима?

– Тише.

– Прости. Как ты?

– А как ты думаешь?

Я открыла глаза, но из – за лампы, закрыла их сразу же. Зем это понял и вывинтил одну лампочку. Я снова сделала попытку осмотреться. Лицо у брата было встревоженное. Я заметила мешки у него под глазами и слишком бледную кожу. Так он был холодный, потому что не спал и сильно нервничал. Наверное, эта одежда, что была на нём, он одел еще у себя в квартире, перед отлётом. Его глаза бегали из стороны в сторону, его рука держала меня так крепко, что я боя-

лась, как бы не пришлось еще забинтовывать.

– Когда я была без сознания, ты казался более спокойным. Не верю, что это ты забинтовывал мне руку.

– Так, а ну прекрати этот сарказм. Просто я беспокоюсь, что я, а не Кролин застала твоё пробуждение. Она устроит мне скандал.

– погоди. Скажи, у меня сильно содрана кожа на спине? Только честно

– Лекима, понимаешь. Ты использовала силу, когда кожа уже начинала выгорать от способностей. Ты не почувствовала боли и не остановилась во время. Ничего страшного не произошло, просто пару дней тебе нельзя будет использовать силу. А лучше неделю.

– Но я не смогу остановить видение, если оно придёт.

– Нет. Оно не придёт. Ты истощена, способности, что есть у тебя, сейчас могут быть призваны только твоей силой воли. Поэтому я прошу тебя не использовать их, дай зажить ранам.

– Значит, всё не так уж и плохо?

– Конечно. На самом деле я посмотрел и подсчитал, сколько сил ты использовала за один день, и ты сильнее, чем я думал. Ты отдала столько энергии Франду и сама потратила её очень много. А твоё последнее виденье и так опустошало тебя. Ты ведь наложила его на реальность, удерживая цепи времени, что видела? Так?

– Да. Мне нужно было всё учесть и...

– Тихо. Не двигайся. Я сейчас позову всех. Только, пожа-

луйста, оставайся тут.

Звуки дождя чётко доносились до меня, и это немного удивляло. Скорей всего это была обычная плохая погода, так как смерть Орлинаса уже оплакана. Дождь начал лить, когда я еще была в сознании, я слышала это, но мысли мои почему – то на этом не зацепились. Брат всегда говорил, что когда ты чувствуешь, что падаешь в пропасть, то думай. Мысли никогда не дадут тебе упасть или забыть, что с тобой. Поэтому когда совсем не оставалось сил, я думала. О чём – нибудь прекрасном, или грустном. Думала об облаках, что плывут по небу и не задумываются о нас. Думала об обычной жизни, простых людей. Думала о семье, о том, что всё у меня пошло, не так, как я хотела.

– Лекима! – в комнату ворвалась Кролин

– Да? Так аккуратней.

Но она уже не слушала меня. Сестра бросилась ко мне на кровать и принялась рыдать, держа меня за здоровую руку. Парни сели на другой стороне кровати, в самом её конце. Облокотившись на спинку и, поджав под себя ноги, они почти одновременно улыбнулись мне и подмигнули. Это заставило меня просиять. Зем притащил стул и усадил на него маму, которая заметно постарела за то время, что я спала. Варния едва ли не плакала, она сжимала в руках платок. Я постаралась сесть, и с помощью Кролин и Зема у меня это получилось. Они взгромодили целую гору подушек за моей спиной.

– Так. Я гляжу, вы тут без меня совсем разболтались. Не советую я вам этого. Смотрите на наших мальчишек, не отчаялись же. И не улыбайтесь так, я знаю, что вы уже что – то натворили. Два проказника, вам обоим пора повзрослеть. Мама. Ты же сильная и взрослая женщина. Я слышу, что Клара прячется за дверью, она, наверное, с ума сошла из – за того, что с тобой происходит. Я же в порядке. В общем, простите меня, я люблю вас.

Кролин отёрла слёзы и, посмотрев на мальчиков, улыбнулась. Зем положил руку маме на плечо, тем самым стараясь приободрить её. Варния тоже слегка улыбнулась, и тогда я заулыбалась так, как улыбаются счастливые люди. Потому что моё счастье было сейчас со мной рядом, большая его часть сидела со мной на одной кровати. Казира, оказывается, давно находилась у меня в ногах, молча, смотря на меня. Я всех их чертовски сильно любила, ведь счастье оно всегда под боком, просто мы его не зачем. Вот оно. Стоит протянуть руку и оно уже с тобой. Но обычно мы предпочитаем прятаться от него или искать что – то более желанное. Моё счастье живёт в этом доме, и учится в другом городе. Два из них глупые шестнадцатилетние проказника, которые никак не могут повзрослеть. И в такие моменты мне хотелось, чтобы весь мир был счастлив.

– Почему идёт дождь?

– Потому что плохая погода – моментально ответил Глумир

– Да что ты?! Вот это новость! Спасибо за столь полезную информацию, чтобы я делала без твоей очень толковой голы?

– О, я подозреваю, что тебе было бы некуда деваться от собственной глупости – он покрутил воображаемые усы

– Я встану и прикончу тебя, братик.

– Слушайте. А давайте закатим пир на весь мир. Зем тут, позовём всех наших прилов. Вся семья в сборе. Эта комната достаточно большая, чтобы устроить всё тут, или я могу встать и спуститься вниз

– Нет! – выпилили хором Зем, Кролин и мама.

– Вы это сейчас похоронили мой пир или факт того, что я хочу встать?

– Ты не будешь вставать, пока спина хотя бы немного не заживёт. Мы три раза пытались тебя забинтовать, чтобы ты во сне не разодрала заживающую кожу.

– Ладно, мам. Тогда давайте всё устроим тут. Но, может, я хотя бы по комнате похожу.

– Лежим, ей очень тяжело дались эти 36 часов. Она ужасно беспокоилась о тебе, не так, как я, но она твоя мама.

– Что – то случилось? – я встревожилась, потому что не так часто Кролин была так обеспокоена.

– Я давно следила за этим домом, еще с первой коробки – сказала Казира, подойдя по постели ближе ко мне. – Они как раз тащили новую коробку, когда твой брат зашёл в дом. Всем там заправляет неизвестно, кто. Потому что это

один из вас, но его способность менять внешность. Чаще всего я видела девушку, такую хрупкую, что она даже лак бы не смогла украсть. Она собирает их в одном месте, и думаю, все мы тут знаем, что с целью призвания вашего же Сатаны. Все подчинённые обычные люди. Она или он один тут с силами. Я не знаю, где её семья и что тут делает один из ваших без уведомления.

– Она какая – то странная. У неё глаза разного цвета и улыбается так, будто хочет убить весь мир. Вообще она мне не понравилась. И это она убила того пацана. Вытащила пушку прямо у меня перед носом и хотела выстрелить в меня, как Казира выпрыгнула откуда – то, и мы лая и мяукая оба рванулись с места в какие – то кусты за домом. Я сразу пришёл к вам, а она вернулась.

– Да. Я думала, что потом она перевоплотится в себя, но вместо этого она ушла в комнату, где висит карта города. Там всё до дыр. Кажется, она знает каждый сантиметр этого города. Флажками были отмечены дома семей с силами.

– Так она собирается обобрать все дома? – вступил в разговор Франд, но Глумир треснул ему по голове и он замолчал

– Конечно, придурок! Это больная, не успокоится, пока не призовет своего любимого Сатану! На кой чёрт ей это надо?!

– Хватит его бить уже. Он же ничего не сделал. И мало ли чего ей могло понадобиться. Нас втянут в разбирательства?

– Только тебя и Глумира. В это воскресенье.

– Как обычно. Они дали нам неделю. Так, мальчишки, идите, помогите маме с Кларой, если, конечно, они согласны на пир.

– Проснулась же ты, на наше горе.

– Глумир, ты ведь получишь от меня!

– Поймай сначала – с этими словами они оба вышли из комнаты, хлопнув дверью.

– Кролин, скажи что случилось? – я взяла сестру за руку и посмотрела прямо на неё, иногда переводя взгляд на Зема, который смотрел на меня так же пристально.

– После разбирательств, у нас дома будет новая девочка. Чаша сомнения отправила её в наш дом. Маме придётся её удочерить, она из детского дома точнее из больницы. Говорят, она очень опасная и сильная. От неё все отказываются из – за сил.

– Мы воспитали двух близнецов, и не справимся с какой – то девчонкой, которая не знает, как себя вести?

– Варния боится, что она плохая мать, что она не справится.

– А вот чаша сомнений считает иначе.

– Лекима – окликнул меня брат

– Что еще?

– Сегодня тебя хотят забрать, Главные.

– Какого чёрта?! – я хотела вскочить, но, один резки рывок вперёд, и моментально почувствовала, как что – то порвалось.

Вскрикнув от боли, я упала на подушки и открыла рот, чтобы поймать чуточку воздуха. Мне его совершенно не хватало. Зем схватил меня за руку и начал что – то кричать, так медленно и вятно, но я всё равно не понимала, что он говорит. Тогда брат поднял меня на руки, и быстро понёс в какую – то комнату. Когда он пинком открыл дверь, то яркий свет ударил мне прямо в глаза.

Дальше, можно было дышать, потому что повязки на спине расстригли и кровь вылилась. Она струилась по спине, а что – то ужасно холодное останавливало её. Потом Земму пришлось зашить лопнувшую кожу, иначе она бы так и не срослась. Может быть, теперь на моей спине будет шрамов больше. Не важно. Им приходится мучиться со мной, а теперь еще я понадобилась Главным. Нет уж. Я не оставлю своих. Никогда и ни за что, лучше пускай убьют меня. Но я нужна своей семье.

Потом бинты снова сомкнулись на спине. Я стала различать звуки. Дождь лил ужасно сильно. Мне приходилось сидеть прямо, но сил у меня не было даже на это. Я смотрела в одну точку, а в голове всё гудело, какие – то пустые мысли ударялись о череп, двигаясь, как молекулы воздуха, хаотично и ужасно быстро. Зем снова взял меня на руки и отнёс обратно в кровать. Кролин сидела всё там же и улыбалась.

– С тобой так уже не первый раз. Всё будет в порядке – успокаивала она меня.

– Да. Мне пришлось наложить пару швов. Теперь ничего

не разойдётся.

Я смотрела на них глазами ничего непонимающего ребёнка, жадно вбирая носом воздух и уговаривая себя не заплакать. В конце концов, они оба вышли из комнаты.

Сейчас я лежу в постели и не могу осознать, что всё идёт на спад. Если я ничего не сделаю, то всё закончится плохо не столько для меня, сколько для моей семьи. Поэтому, чтобы там ни было, я буду действовать. Пока жива, пока силы есть, я буду бороться за счастье своей семьи.

Меня зовут Лекима. Мне 17. Мой рост 160см, а вес 45 кг. Светлые волосы, точнее русые, за последние три года не достигали плеч. Один глаз голубой, а другой зелёный. Этот дефект появился именно из – за способности видеть будущее. И, несмотря, на мою крутую семью, мне не везло почти всю жизнь.

Уродливое тело, не признак уродства души, скорее наоборот. Все мои знакомые «уроды», были так прекрасны, что с ними я не думала о внешности и сама стала кем – то некрасивым, но худшее в том, что внутри я тоже не красавица. Поэтому – то я и растеряла всех «клёвых» друзей.

Внезапно не захотелось услышать голос моей родной мамы. Я решила сама её набрать. Гудки тянулись почти минуту, мне казалось это слишком долго.

– Да, дорогая?

– Мама. Ты где?

– На работе.

– Всё в порядке?

– Ну да. А у тебя? Ты когда домой явишься?

– Да ладно тебе. Бардак никто дома не устраивает, готовить много не надо. Круто же. Но скоро всё это снова начнётся. Так что жди меня. Я иду к тебе.

– Ну, хотя бы настроение у тебя хорошее, значит всё в порядке. Веселитесь там?

– Конечно. Скоро люстра упадёт, а рыбка выплывет из ванны.

– Ладно. У меня покупатель. Я тебе вечером позвоню.

Она отключилась. Всё было в порядке. Ну и хорошо.

Откинув одеяло, я попробовала спустить ноги с кровати и сесть на край. Но в комнату вошла Клара с каталкой, на которой стояли разные продукты, нож и доска для нарезки. Она уставилась на меня так, словно только что у меня за спиной выросли крылья, а лицо изменилось до неузнаваемости. Я изогнула бровь, глядя на неё, в ожидании, что она начнёт что – то мямлить, но тут появилась мама. Более порозовевшая и в другом платье, она взяла тележку и закружилась около моей постели.

– А ну заберись на место!

Скомандовала мама, а Клара подавилась маленьким смешком.

Стервы.

Я снова залезла под одеяло и стала смотреть, как Варния ставит подставку мне на ноги, а на неё кладёт нож и доску.

Потом объясняет мне в каком порядке, что нарезать и как смешивать. Сказав, что через 10 минут будет, оставила меня нарезать, забрав с собой Клару. Хорошо, что она ушла. Клара меня жутко нервировала. У нас была вечная борьба, даже не знаю почему, но она считала, что я давно выиграла и всячески унижалась передо мной, но как только появлялся повод, она готова была высмеять меня и унижить. Поэтому я резала пищу и думала, что отрезаю её пальчики. Нет, я не жестокая, просто не надо меня так из себя выводить.

Дождь продолжал идти всё время, что я резала еду. Он шёл, когда её забрали. Когда заходила Кролин. Когда Зем и мальчики затаскивали стол и стулья, когда Клара заходила и ставила свечи. Когда вся семья расставляла приборы. Он не шёл, а, может быть, я уже не слышала, когда Зем привёз инвалидное кресло, а Кролин накинула на него плед. Глумир положил подушку. Меня перенесли в него и подкатили в изголовье стола. Господи, я могла и сама дойти.

Вкустностей на столе было столько, что я зашлась слюной. Рядом со мной сидела мама и Зем, они оба накладывали себе жаренные грибы с водорослями. У обоих был слишком специфический вкус. Мальчики ели спагетти, а Кролин ковыряла салат с мясом. За столом сидела Клара и одна девушка в очках. Её звали Амелия, она была прилом Франда, брат стеснялся знакомиться с девушками, но нуждался в девчачьем внимании. У меня на кровати лежала Казира и Морилс. Морилс была прилом Кролин. Она обращалась

в лису, поэтому в доме мы видели её редко. А если Морилс и была дома, то сидела в подвале. И лиса и сестра, обе были достаточно пугливы, хотя прил Кролин был самым трусливым из всех, что я видела. Это иногда доходило до безумного смешно. Она боялась мышей, которые бежали от неё, и редко говорила с кем – то, кроме сестры.

Думаю о Кролин, и невольно вспоминаю ту новость, что после разбирательств к нам приведут новую девочку. Мама уже сейчас занимается документами. Она будет, как и я. Войдёт в этот дом и останется. Станет тут родной, как я. Как все мы.

Как близнецы, которые поначалу не доверяли нам и всё время проказничали. Они были хорошими всё время, просто слишком игривые. Я их полюбила с первого дня в доме, хотя мне тогда было всего лишь 8 лет. Мы бы могли проказничать все втроём, но я предпочла проводить время с книгами и учениями Зема. На кухне и в магазине с мамой. В комнате Кролин, когда та болела. Я почти не проводила с ними время, и они не очень – то любили меня. Мальчишки думали, что я слишком много о себе возомнила, раз не играю с ними. Но в 11 лет всё как – то изменилось. Я стала сильнее, стала издеваться над ними, потому что они сильно бесили меня и отвлекали от дел. Тогда – то мы и начали бегать по дому, всё круша на пути. Драться, плевать, ругаться. Придумывать какие – то планы по войне. Иногда мы сплывались в команду и сбегали из наших домов. Но всё это не продол-

жалось долго. В 13 лет я отстранилась от всех. То есть одновременно я стала им ближе, но всё же предпочла оставаться в жизни, которая посвящалась не силам, а людям. Я оставалась с книгами, играми и сериалами, потому что думала, что так я в безопасности. Так мне никто не сделает больно и скинет меня с 17 этажа.

Я задумалась так сильно, что выронила вилку, и она упала на пол. Прил Зема, огромный филин, повернул голову на меня и мне стало не по себе. Казира вскочила и зашипела, при этом её шерсть встала дыбом, а Морилс залезла под кровать. Филин взлетел со спинки стула, в комнату ворвался мужчина с ружьем, прил Глумира. Но когда мама строго посмотрела на брата, то тот отдал приказ и мужчина вышел, но остался строго за дверью. Окно распахнулось, шторы упали на пол. Девушка в очках встала и подошла к Франду, положив руку ему на плечо, она нагнулась и кое – что шепнула. В тот же момент они оба стали невидимыми. Всё пришло в движение, пускай и мимолётное.

– Нет. Мистер Виджин Младший, не стоит от меня прятаться.

Произнёс женский голос. В комнате запахло сигаретным дымом. У окна стояла женщина с длинными золотистыми локонами. Она была на высоком каблуке и держала в руках сигарету, такую же тонкую, как и она сама. Женщина была сильно накрашена, и одежда на ней была слишком коротка, чтобы Глумир смог, в конце концов, отвести от неё глаза.

Франд стал видимым, но его прила уже не было. Гостья затянулась, а потом выдохнула дым, который проплыл по комнате и завис надо мной.

Я взглянула на Зема в надежде что – то увидеть в его глазах, но увидела только смятение и страх. Что, чёрт побери, происходит? Женщина посмотрела на меня своими ярко зелёными глазами и улыбнулась.

Дым продолжал витать над моей головой. Как же меня бесят такие пафосные дамочки. Она поправила свои локоны рукой, и тут я заметила татуировку на запястье. Меч, в стрелах. Так значит она из Главных. Всё ясно.

Она прошлась по комнате и остановилась, когда увидела, что я в инвалидной коляске. Но это смутило её только на пару секунд. Вся семья молчала. Да и не о чем нам, обычным, разговаривать с Главной. Эти твари могли делать, что им вздумается, иначе начинались разборательства, и чаще всего нас убивали заслушание правосудию.

– Мисс Лекима. Вижу, у вас тут неплохой пир устроен. Отмечаете смерть одного из наших товарищей? Как плохо. Впрочем, мне всё равно. Я Вас забираю.

– Что значит «забираете»? – встала мама и грозно посмотрела на женщину.

– Сядьте – она провела сигаретой в сторону мамы и та моментально села на место. – Есть еще желающие позадавать мне вопросы?

– Да. Позвольте, я. Где бумага, позволяющая и уведомля-

ющая о том, что на какой – то срок вы выводите из семейного дома больного и ослабевшего товарища нашего?

– Вот твоя бумага.

В доли секунды, в руках Зема оказался чёрный свёрток с белыми иероглифами, на котором писали Главные, а я была вытащена из кресла. Какого чёрта!

Она крепко прижала меня к себе, и её жестокий холод начал покрывать меня с ног до головы. Моя рубашка прилипла к телу, и я сомневалась, что это было из – за пота. Видимо что – то снова разошлось. Вдруг произошла вспышка белого, и я увидела перед собой, парящий дом. Сами же мы находились в воздухе, не падая и не поднимаясь, просто витали.

– Добро пожаловать к нам. Главным.

– Не могу выразить словами, как я рада.

Она снова сжала меня, и мы очутились в доме. Окно на третьем этажа здания было широко открыто. Женщина подошла к двери и приказала мне идти за ней. Ну, а кто я такая, чтобы перечить Главной? Разумеется, я пошла за ней, спускаясь по лестницам и проходя по коридорам здания, оно казалось мне бесконечным. Наконец, мы подошли к огромной двери, и она постучалась, вслушиваясь в каждый звук. Я же просто рассматривала всё, что попадалось мне на глаза.

Огромные лампы освещали всё помещение. На маленьких тумбочках, что стояли вдоль стен, находились всевозможные статуэтки. Я знала некоторые из них, большая их часть была признаком силы, главенства. Еще заметила пару

мечей, из которых торчали стрелы, символ Главных. В некоторых стенах были вырезаны глаза. Зрачки в них шевелились и моргали, так что ты мог бы быть уверен, что они настоящие. На полах были красивые и очень мягкие ковры, если бы тут кто – то упал, то сомневаюсь в том, что это было бы шумным событием. Многие двери были изрисованы цветами, но цветы эти были совсем некрасивыми. Потолок был идеально белым, ни пятнышка. Пару картин, что висели дальше, внушали страх и отвращение, люди на них были мёртвыми и выглядели отвратительно. Мне был не по душе вкус Главных, хорошо, что я здесь первый и последний раз.

Вдруг дверь отворилась, и я заметила, как сильно эта комната отличалась от всех остальных. Мы с женщиной сразу же вошли, и вход за нами закрылся. Тут не было обоев или древесной обшивки. Стены были каменными и сырыми, но трещин было не так много, как казалось с первого раза. Справа от меня был огромный камин, в котором без устали пылал огонь, а напротив, подальше, стояло два дивана и шесть кресел. Ламп тут почти не было, только пару настенных светильников. Комнату в основном освещал свет из окон, которые были открыты настежь и впускали холодный ветер в помещение.

На диване сидели 3 маленькие девочки, а за спинкой, на полу, молодая девушка с картами. У стены стоял один мужчина и двое более молодых паренька, которые смотрели с леденящим холодом и жестокостью. Облокотившись

на кресло, на меня глядел пожилой мужчина. У него были седые волосы, уставшее лицо, но прямая осанка и уверенный взгляд. В креслах, сидели девушки, одна, скорей всего, моя ровесница, а другая, наверно, одних лет с Кролин. У одной были очень длинные волосы, которые лежали на полу, создавая собой причудливое сплетение прядей, они были белыми, как лунный свет.

Все Главные были одеты в чёрную или красную одежду. Только у девушки с кошкой, было белое платье. Её длинные ресницы были опущены вниз и немного трепетали, они завораживали меня, и мне больше всего хотелось смотреть именно на неё. Мне казалось, что она прекрасна. Неожиданно для меня с её глаз упала слеза.

Кто – нибудь нарушит уже это молчание?

– Не смотри на меня так пристально – произнесла девушка в белом.

– Ты плачешь – я хотела сделать шаг вперёд, но тут старик, что смотрел на меня, отпрянул от кресла.

– Она плачет всегда. Такова её сущность. Меня зовут Валдин, я самый древний.

– Я очень рада с вами познакомиться – один из парней, что смотрел на меня с злобой, хмыкнул, и тут же снова принял безразличное выражение лица. Только глаза выдавали его агрессию.

У меня подкосились ноги, видимо сил всё еще не хватало. Один из мужчин встал и, подойдя к пустому креслу, раз-

вернул его ко мне сиденьем, а потом силой мысли протащил в мою сторону, и вернулся на место.

– Брокл, всегда был слаб к слабым женщинам, забавная игра слов, не так ли? Присаживайся – я перевела взгляд с Валдина на кресло и, в конце концов, села.

– Валдин! Хватит возиться с ней! Объясни ей суть дела, и пускай проваливает! – один из парней парень всё-таки сорвался.

– Лукинс, сядь, пожалуйста. Эта девушка очень важна для нас, мы не зря её сюда позвали.

– Привели, а не позвали – поправила его я.

– А ты, юная леди, не зазнавайся, тебе можно найти замену.

– Тогда начинайте поиски. Я не собираюсь иметь с вами никакого общего дела.

– Думаю, тебе придётся остаться здесь, пока я не объясню в чём дело. Ты стала свидетелем убийства не по своей воле. Тебе известно, что планируется. Но думаю, ты не догадываешься, с какой целью в мир будет призван Дьявол всего. Эта женщина, что собирает коробки, бессмертна по воле Бога и так же имеет способность перевоплощаться, когда ей вздумается. Она собирается убить Нас – он обвёл руками Главных. – Мы всё знаем, но у нас связаны руки. Мы не можем ничего с ней сделать, законно. Другими словами она в безопасности, пока что от нас, так как не совершила ни одной ошибки. И, тем не менее, у неё уже 4 коробки, еще

б и наступит конец всему. Большинство из нас считает, что раз уж ты ввязалась в это, то ты должна это прекратить.

– Это я должна остановить её?

– Дошло – процедил парень, который уже не мог терпеть моего присутствия.

– Можно сказать и так, дорогуша. Видишь ли, она всё делает по законам, мы не можем уличить её в убийстве, даже несмотря на то, что знаем, что это она. Эта женщина всё делает чужими руками, а коробки ей достаются по праву. Она необычайно хитра, но мы надеемся, что ты сможешь нам помочь. Мы хорошо вознаградим тебя за это.

– Вы сейчас попросили убить меня бессмертную старушку, которая убила, черт знает сколько, наших товарищей и имеет намерения вызвать Сатану. А, ну всё понятно, Вы с ума сошли.

Одна из маленьких девочек повернулась на диване и села, смотря на меня, при этом наклонив голову на бок. Оказалось, что она слепая. Её белые зрачки даже и не думали шевелиться. Мне стало не по себе, и я опустила глаза на сплетение пальцев у себя на коленках

– Не волнуйся, Лекима. Я всё вижу. Вижу больше, чем ты. Ты красивая.

– С – спасибо.

Она засмеялась.

– Рафалина не стесняй нашу гостью. Так что, дорогуша, ты нас выручишь?

– Нет. Вы – Главные. Вы можете всё и даже больше. Я же имею способность, которая, как вы недавно выразились, сделала меня слабой. И я знаю, что почти все из вас видят будущее. Вот и останавливайте её.

– Если мы вмешаемся в вашу жизнь без веской на то причины, то превратимся в прах.

– А смерть правящего органа, неуважительная причина?

– Можно сказать и так.

– Бред!

– Слушай ты! – тот парень встал с места и резкими и большими шагами подошёл ко мне. Положив руку на спинку кресла и наклонившись ко мне так, что мне буквально пришлось вжаться в кресло. – Тебя просят по – хорошему! Хватит тут показывать всю свою наигранную крутость! Соглашайся и проваливай!

– Отвали от меня, идиот – парень опешил от такой реакции, видимо первый раз, кто – то не испугался его и не трепетал перед его серьёзным и злобным лицом.

Он ударил в спинку кресла и отскочил от меня. Но тут кресло зашаталось, и в связи с тем, что большая часть моего тела давила на спинку, оно накренилось, и я поняла, что падаю назад. Быстро закрыла глаза, потому что казалось, будто так будет менее больно, но в итоге я не ощутила удара или того, что перевернулась. Я открыла глаза и оказалось, что меня держит на руках, этот самый грубиян. Он смотрел на меня также невозмутимо и бесстрастно, но в его глазах

сияла долька отвращения к такой, как я. Он лёгким движением ноги снова поднял кресло и усадил меня на место, затем сам вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. Это этого хлопка раздавалось в помещение еще несколько секунд, прежде, чем стихнуть.

Одна из маленьких девочек вскочила с места и, хлопнув одну по плечу, побежала к выходу, другая отправилась за ней, и вскоре детский смех раздавался уже где – то вдалеке. Оставшаяся, с белыми глазами, слезла с дивана и, подойдя ко мне, осмотрела меня с ног до головы.

– Тебе больно? Я чувствую, что нет. Я хочу посидеть у тебя на коленях.

– Эм... да. Залезай. – Она забралась ко мне на колени и, усевшись удобней, опрокинулась на меня и прижала голову к моей груди.

– Ты красивая – повторила она и закрыла глаза.

– Дорогуша, ты ей понравилась. Поздравляю. Это удастся далеко не каждому. Я вот ей совсем не нравлюсь. И что во мне не так? – старик сделал драматический вид.

– Я пойду – девушка с картами встала с пола и вышла из комнаты. Внезапно кошка, которая сидела на коленках белой девушки спрыгнула и так же устремила в окно, хозяйка минуту не поднимала глаз, а потом вздохнула и, промчавшись по комнате, выпрыгнула в окно за зверушкой. Её длинные волосы развивались за окном пару секунд, а потом она и вовсе исчезла.

– Слушай, Лекима. Нам нужна твоя помощь. Я не хочу, чтобы ты отказывала нам, иначе тебе будет некуда идти.

– Что Вы имеете в виду?

– Мы сотрём память о тебе всем, кто когда – либо знал тебя. Ты перестанешь существовать для всех, кроме нас. И тогда тебе ничего не останется.

– Вот как... – я опустила глаза на девочку, что сидела у меня на коленках. Её волосы были аккуратно заплетены в косичку, а красно – чёрное платье идеально выглажено.

– Мы уже стёрли память о тебе у твоей родной матери. Мы всё устроим так, что ты будешь дочерью Варнии. Вся твоя жизнь будет посвящена таким же, как и ты. В ней с сегодняшнего дня, больше нет места обычным людям.

– А мои друзья?

– У тебя их не было – прошептала девочка на моих коленях.

– Вот как – я снова смотрела в окно, через которое вышла Главная.

– Хорошо. Я согласна.

– Ну что же. Я этому рад. Брокл, отнеси, пожалуйста, Рафалину к себе в комнату.

Очень быстро, не произнося ни слова, мужчина подошёл ко мне и, забрав девочку, удалился.

– Конечно, изначально мы хотели тебя забрать к себе на какое – то время...

– Чаша сомнения вместо меня отправила эту девочку

в наш дом? – перебила я старика.

– Сомневаюсь. Чаща выбирает другим способом. Тем более я считаю, что ты не уйдёшь от своей семьи никуда. Для тебя это будет слишком трудно. Ведь так?

– Делайте, что хотите, но я не буду вам помогать без своей семьи. Считайте, что без них я ничто.

– Я так и думал, тогда... – Валдин начал осматриваться по стенам, а потом, резкими шагами вошёл в стену.

Я выдохнула и облокотилась на кресло, спина дала о себе знать, но я не обратила на это особого внимания. Подняла голову вверх, потолок был высоким и старым. На мгновение показалось, что он вот – вот разрушится. Я заметила, что парень, который остался последним, непрерывно смотрел на меня.

– Парень, ты моргаешь или нет? – обратилась я к нему с некой насмешкой на лице.

– А тебя это так сильно заботит? – он улыбнулся, чувствуя своё превосходство надо мной.

– Даже если бы у тебя не было глаз, мне было бы плевать. – не успела я закончить, как он моргнул и телепортировался к моему креслу.

– Ты уверена? Мне кажется, что ты волнуешься и беспокоишься обо мне – он присел передо мной на корточки и уставился на меня, снова не моргая.

– Серьёзно? Что – то я ничего не почувствовала.

– Почему же твоё сердце бьётся так учащённо?

– Позвони мне, когда тебя притащат в неизвестное место, к странным людям, которые смотрят на тебя, как на жертву и сообщают, что собираются стереть тебя из памяти всех, если не убьёшь бессмертного.

– Обязательно, крошка. Ты только номерок мне свой оставь, а то придётся прийти к тебе, когда ты будешь в душе и поговорить с тобой по душам.

– Оставь её – девушка, что всё это время сидела неподвижно в кресле, на которое, изначально облокотился старик, встала и посмотрела на парня.

У неё было строгое, но ничего не выражающее лицо, в одних глазах читался приказ, который не подвергался обсуждению. Парень моргнул, и в то же мгновение в комнате его не было, а у меня на коленках лежала карточка с надписью «Kiss me». Придурок.

Девушка смотрела на меня своими большими голубыми глазищами, а потом медленно подошла ко мне и, положив руку на плечо, пустила что – то похожее на разряд тока. Он заставил меня съёжиться, в этот момент в комнате снова появился Валдин. Но Главная не отстранилась ни на секунду, она продолжала пускать ток через меня, а я начинала ерзать на месте, потому что всё тело начало жечь. Старик подошёл ко мне и положил свою руку на другое плечо, жжение ослабло. Спина начала болеть, а потом, словно сеточка изо льда проползла по моему организму, и мне сразу стало легко дышать. Затем она медленно, словно и не ступая во все, про-

плыла до открытой настежь двери и вышла, закрыв её за собой, не издав при этом не звука.

– Ты можешь встать. Твоя спина уже зажила. Ложири тебя вылечила.

Я поднялась с кресла и обошла его. Немного разработав плечи, облегченно выдохнула. И впервые, за всё время, что я тут, улыбнулась. Валдин держал в руках небольшую бутылочку, когда он открыл её, то оттуда вылетела чёрная жидкость, которая, не теряя ни минуты, подлетала моему запястью. Она обвила его, словно браслет и резко впиталась в мою кожу, не причинив боли. Таким образом, у меня появилась круговая татуировка.

– Это не позволит тебе забыть, что ты связана с нами. Так, тебе нет нужды всегда быть тут. Но ты можешь приходить сюда, когда тебе угодно, просто позови. В любом случае, в конце тебя ждёт приятный сюрприз. Мы рады, что ты согласилась.

– Я ведь могу пойти и сдать экзамены, как все обычные люди, да? Ничего не изменилось, кроме того, что теперь у меня одна мать?

– Всё верно. И всё будет в порядке. До встречи, дорогуша. В доли секунды, Валдин отправил меня ко мне в комнату. Не успела я что – то произнести, как стояла около своей кровати. Хорошо быть Главным.

Но спустя какое – то время, я оказалась в непонятном состоянии. Что – то внутри меня желало вернуться. Мне

не нравилось это место всеми фибрами души, оно было мрачным, люди, что находились в нём, то ли ненавидели меня, то ли были слишком странными. Когда – то хотела именно такую кампанию. В ней я могла бы чувствовать себя и чужой и одновременно родной. Нас бы ничего не связывало, кроме сил. Кто – то из них мне понравился, но все они внушали странные чувства.

В комнате никого не было, кроме Казиры. Она сидела на кровати, вся такая идеально красивая, видимо только что вылизалась. И смотрела на меня жёлтыми огоньками недоверия.

Я закрыла окно и сняла занавески со всех окон в комнате. Лунный свет упал на кровать, кресло, тумбочку, зеркало. Шкаф и остальную мебель. Картины, что, наверное, никогда не видели лунного света, засияли пылью. Я почувствовала себя в безопасности, то есть дома. Теперь у меня нет никакой другой жизни. Я приняла свой выбор, и теперь, все, что мне остаётся это жить тут. Бороться за счастье родных, за жизнь. На самом деле, мне до последнего момента хотелось верить, что всё будет хорошо. НО не всегда получается так, как этого хочешь ты. Далеко не всегда.

Я переоделась, поняв, что всё это время находилась в сорочке и халате из атласа. На пару минут застыла, покраснев так, что лицом можно было пользоваться, словно оно фонарь. А потом села на пол и начала вспоминать тех парней, что подходили ко мне. Я пролистывала моменты, словно кар-

тинки, а потом остановилась на том парне, что держал меня на руках. Его глаза смотрели прямо на меня, наполненные ненавистью и темнотой. Сейчас мне казалось, что черты его лица были ужасно знакомы, но мы не могли видеться прежде. Я сама не понимала, почему я так о нём думаю и зачем вспоминаю его. А тот придурок, что положил мне записку на колени, и называл меня крошкой. Ох, Главные куда странней, чем все мы думали. Наверное, мне никто не поверил бы, если я стала рассказывать.

Помню, когда мы были маленькими, то часто болтали о Главных. Я запугивала близнецов их силами, как когда – то мама делала это со мной. Мы корчили страшные рожицы, бегали друг за другом, упиваясь смехом. Придумывали про них стишки, а потом понимали, что они выглядят, как и мы. У них просто больше сил, и жить они могут сколько угодно, ибо время в том здании течёт иначе. Там ничто и никто не властен над ними, кроме Бога. У них другие законы и правила.

Я встала с пола и переоделась, просто на просто одев длинное крепдешиновое платье. Я отправилась в коридор, в голове встали воспоминания о шве, который Зем накладывал мне у себя в комнате. Тогда мои ноги направили меня в сторону его комнаты, даже и не думая стучаться, я вошла в комнату. Зем тихо сопел у себя в постели. В комнате царил до ужаса прекрасный порядок. Казалось, что при солнечном свете, тут всё блестит, но шторы были плотно задёрнуты

и мрак окутывал всё помещение. Я прошлёпала по комнате в сторону его кровати и села на самый край.

– Зем... Зем, проснись, пожалуйста.

Но брат даже не сдвинулся с места. Я тяжело выдохнула и вышла из его комнаты, не думала, что он так крепко спит и даже немного огорчилась, тогда я отправилась в комнату к Кролин. Дело было не в том, что мне не хотелось спать, а в том, что я не могла спать одна. Такое случалось со мной раньше, но я просто не спала всю ночь. Обычно, маму было лучше не будить ночью, и она долго не могла уснуть, поэтому я оставалась одна. Иногда я звонила кому – нибудь из моей семьи и разговаривала долгое время, обычно это была Кролин. Она была рада слышать меня в любой ситуации.

Теперь, всего этого не будет. Не будет страха, разбудить маму или не угодить ей чем – то. Я больше не буду доводить её до слёз и шутить с ней шутки. Ругани больше не будет. И хотя, всё это было тяжёлым временем для меня, я её любила. И понимаю это, только сейчас. Когда уже лишилась своей любимой и родной матери, которая носила меня 9 месяцев под сердцем. Я поняла, что нуждаюсь в ней, когда она не знает, что я существую. А, может быть, мне ей об этом напомнить?! Точно. Завтра попробую прийти к ней на работу. Но только после экзамена.

Завтра первый экзамен, русский. Сказать, что я готова к нему, нагло соврать. Встав перед дверью комнаты Кролин, меня затерзали сомнения. Но они длились не дольше мину-

ты. Я забралась к ней на кровать и легонько коснулась её лица подушечками пальцев. Она моментально открыла глаза, и когда поняла, что я лежу рядом с ней, притянула меня к себе и её горячие слёзы обожгли мне щёку и плечи. Мне было так жаль, но вдруг она отстранилась от меня и буквально прошептала, но я не услышала, а прочла по губам.

– Спина.

– Нет, не беспокойся. Одна из Главных исцелила меня.

– Я люблю тебя – снова пришлось читать мне по губам.

Она снова притянула меня к себе и укрыла одеялом. Сестра крепко прижалась ко мне и продолжала всхлипывать, потом я приложила руку к её щеке и она немного успокоилась. В скором времени сон полностью захватил её, но Кролин продолжала прижимать меня к себе так крепко, что было трудно дышать. Хотя это не помешало мне, переварив всё, что произошло, забыться крепким сном.

Спасибо, Кролин.

– Во сколько она вернулась?

– Я не знаю. Поздно. Она была в нормальном состоянии.

– Да. Её спина. Она зажила. Всё это слишком подозрительно.

– Что случилось? – я открыла глаза, и увидела перед собой Кролин и Зема.

– У тебя экзамен через два часа, вот, что случилось. Вставай, давай! – Зем стащил одеяло с кровати и смотрел на меня так злобно, будто я что – то натворила.

Я встала с кровати и вышла из комнаты, не проронив ни слова. У себя в комнате, обнаружила все вещи, что когда – либо были у меня. Значит, теперь это мой дом, а где – то тут или в магазине сидит моя мама. Единственная мама.

Внутри всё было перевернуто, даже чувства, что должны были хлестать через край после всего происшедшего, покинули меня. Будто я совсем была опустошена. Я поняла, что этой ночью объятия сестры обжигали меня, а не грели. Во мне изменилась сущность.

Собрав какие – то вещицы, я вышла из дома, не сказав ни слова тем, кого встретила на пути. Ни Зему, ни Кролин. Мне не хотелось поделиться своей историей. Казалось, что они и так всё знают. Я шла пешком такая угрюмая и задумчивая, что если бы меня сшибла машина, я бы того не заметила.

Я вытащила сигарету, и начала дымить, как бы это ни было вредно. Подумать только, она могла пролежать у меня еще несколько месяцев, а потом я бы её выкинула, но не судьба.

– Не наглей, крошка! – чья – то рука вытянула у меня сигарету из рук и выкинула её в воздух – Ложири вылечила тебя не для того, чтобы ты забивала лёгкие никотином.

Я подняла голову и увидела того самого паренька, что оставил мне записку на коленях. Меня тошнило от него. Такой напыщенный и самовлюбленный, что просто деваться некуда. Я остановилась на пару минут, чтобы рассмотреть его при солнечном свете.

На нём были большие солнечные очки, клетчатая рубаш-

ка и подвёрнутые джинсы. Короткие чёрные волосы скорей всего кололись, потому что торчали во все стороны. Он смазливо улыбался, показывая свои белоснежные зубы. На лице практически никаких признаков щетины, хотя ему было около 20. Он постоянно поправлял рукой свою шевелюру и наклонял голову на бок. Парень был выше меня, поэтому навскидку рост его составлял 170 – 175 см. А мускулатура, которую он, наверное, качал днём и ночью, составляла 50% его тела. Он мне не нравился.

Я зашагала дальше, а он поплёлся за мной.

– Слушай. Мы ведь и не познакомились толком, крошка.

– Не называй меня так, придурок.

– А ты не называй меня придурком. Меня Виталик зовут, между прочим.

– Серьёзно? В самом деле? Твоё настоящее имя.

– Свимпут...

– Да, теперь понятно, почему Виталик.

– Хэй! Крошка! Думаешь, Лекима клёвое имя?

– У меня шикарное имя по сравнению с твоим.

– А что ты делаешь?

– Иду на остановку, идиот.

– Дурочка.

Я ощутила его руки у себя на талии, а потом какой – то толчок холодного воздуха, пару секунд видела только круги, что окружали всё, а потом резко изображение изменилось на пейзаж, который представлял собой школу, в кото-

рой проходил экзамен. Так значит, его сильнейшей стороной является телепортация. Я считала, что Главные, имеют великое множество способностей, но в одной из них, они как рыба в воде. Например, у Виталика могло быть 15 способностей, но он владел в совершенстве только телепортацией. В этой силе, его умения выходили за грань понимания. Так могли только Главные. Для него телепортироваться было, как чихнуть. Причём, видимо, это было любое место. Стило ему только захотеть и он был бы уже в Китае.

– Руки от меня убери.

– Ох, какие мы злые – он прижал меня к себе, скрепив свои руки на моей талии еще сильнее.

– Просила же по – хорошему – я ударила его ногой по коленке, а затем, пихнув локтем, вырвалась из его грабель.

– А ты бойкая. Мне нравится.

– Пока.

Я повернулась и быстрыми шагами направилась в школьное здание. Уже через полчаса, сидела за партой и слушала инструкции. Нам выдавали бланки, всевозможные бумаги. У нас же ничего не было, кроме листков и ручек. Под прицелом камер, я чувствовала себя голой. Экзамен по русскому начался.

Вскоре, примерно через два часа, сдалась.

Когда я вышла из школы, то увидела, что у ворот стоит Зем. Опустив голову вниз, побрела в его сторону. Он стоял, облокотившись на ограду, и совсем не был рад видеть меня.

– Я уезжаю вечером. Тебе больше ничего не угрожает.

Он повернулся и посмотрел на меня, я же только через пару минут набралась смелости взглянуть на него, и тут...

– Но, я люблю тебя, Лиза!

– Да, посмотри ты на себя! Кому ты нужен? Такой зануда и чудака, как ты никому и никогда не будет нужен. Сиди и дальше со своими книгами.

– Но ты ведь говорила, что я нравлюсь тебе. Я поверил тебе.

– Паша, мы уже взрослые люди, ты должен понимать, что чувства приходят и уходят.

– Ты не любила меня?

– Я проспорила пари, и мне сказали, чтобы я встречалась с тобой две недели. Срок истёк. Извини, но мне пора.

– Как ты так можешь?!

– Легко. Для тебя это были лучшие недели, большие такая девушка, как я, не обратит на тебя внимание. И вообще, не надо было звать тебя, по телефону могли бы расстаться. И вообще! Это ты виноват. Если бы ты не сорвался и не поехал к своей семье, то я бы не стала кричать на тебя по телефону, и мы бы провели больше времени.

– Это моя семья! Я накричал на Лекиму из – за тебя!

– Что?

Зем рассвирепел и, ударив по столу рукой, схватил девушку за запястье и поцеловал её. Сначала она пыталась оттолкнуть его, но потом стала ослабевать, тогда он при-

жал её к себе и продолжил поцелуй. Когда брат отстранился от неё, то его глаза были широко распахнуты и выражали дикий ужас.

Он убил её. Не смог справиться с гневом, и его неуправляемая сила дала о себе знать. Зем опустился на колени вместе с ней. Стуки сердца разрезали всё помещение, в котором они находились. Её бездыханное тело лежало на полу, глаза пусто смотрели вдаль. Волосы беспорядочно валялись на полу вокруг её головы. Она была обычным человеком. Её обычно похоронят. – 1 в лимите брата.

Я набрала полные лёгкие воздуха и немного пошатнулась. Зем свёл брови, смотря на меня с прежней злобой, но теперь он снял очки и приготовился мне что – то высказать. Внезапно я начала слышать, как он кричит на меня. Я не слушала его, просто смотрела, как последние цепи из минут и часов исчезают с его плеч, шеи, рук.

– Ты поступила очень эгоистично! Думая только о собственной безопасности и не понимая, что я приехал сюда ради тебя! Я бросил всё! А ты улетела!

– Лиза – это твоя девушка?

Он замолчал. Его начало трясти. Если так, то это были его первые отношения. Он был полным нолём в этом. Зем очень боялся своей силы, видимо не зря. Брат готов был пойти ради неё на всё. Только бы она дарила ему своё тепло. Иногда я думаю, что любовь – это мерзко. Мне бы не хотелось любить.

– Ты что – то видела?

– Она бросит тебя, а ты убьёшь её – сохраняла я спокойный тон.

В ту же секунду он сорвался с места и умчался прочь. Я и не подумала его останавливать. Стоя на месте с вниз опущенной головой, мне хотелось пропасть. Вдруг я причинила ему слишком тяжёлую боль, высказав правду? А что если с ним что – то случится, или он возненавидит меня. Может быть, я была слишком глупой, или я всё ещё продолжаю быть глупой?

– Пропасть бы – прошептала я еле слышно. К сожалению, чувство, что на мне снова лежат чьи – то руки, вернулось.

– Ну, зачем пропадать, крошка? Неужели ты собралась бросить меня?

– Отвали от меня, чёрт побери... – даже сейчас не получалось орать.

Я повернулась и быстрыми шагами ушла от него. Услышав смешок в свою спину, мне захотелось плакать. Дома я застала маму с Кларой, которые активно пытались убрать пыль с люстры.

– Осторожнее – всё, что я выдавила из себя, прежде, чем убежать в комнату и запереться там.

На кровати сидела Казира, она смотрела на меня и мурчала. Я села на пол, прислонившись спиной к двери, кошка спрыгнула с кровати и забралась ко мне на колени.

– У тебя была тяжёлая ночь. И жизнь. Успокойся.

– Казира.... Это всё так трудно и непонятно. Я нужда-

лась в моей родной матери, этот дом, никогда не являлся моим настоящим пристанищем, словно я погрузилась в другую жизнь, которой избегала.

– Я думаю, ты справишься. Мы вылезали из передряг куда хуже этих. Помнишь?

– Да. Помню, как ты прыгнула за мной с семнадцатого этажа, и мы обе считали, что умрём. Мы и умерли, точнее я.

– А как ты чуть не утонула? Я стояла на берегу не в силах совладать с собой, но тебя спасли.

– А помнишь, как мы сбежали первый раз из дома, и спрятались у канализации?

– Да, там так воняло. Для моего обаяния это было невыносимо. А еще, как ты подралась до крови с одним из этих близнецов?

– О, это был бой века.

– Да, и когда твои силы не проявлялись? Помнишь, ты всё время, тогда орала на всех, потому что злилась на саму себя?

– Ага. А еще мы с тобой рассорились, и ты выпрыгнула в окошко, я тогда долго плакала, потому что боялась, что потеряла тебя. Это было ужасно.

– Правда?

– Конечно, правда. Ты, что глупая? Мне было, тогда 13 лет. Я ревела по поводу и без повода.

– Ты и сейчас можешь заплакать.

– Ты и сама бы заревела, если бы могла. А еще помнишь, как я съела какую – то дрянь, и у меня всё тело стало покры-

ваться волдырями?

– Да. Тебе тогда было 9 лет, и пришлось вызывать скорую помощь. Аллергия.

– О, это был не самый приятный момент в жизни.

– Честно говоря, Лекима, у тебя их было очень мало.

– Всё в порядке. Всё в порядке, дорогая.

В дом кто – то вбежал и сильно хлопнул дверью, так, что открытые настежь окна в моей комнате, затряслись. Хотя, это было не из – за удара. Ветер, что – то вдруг разбуянился на улице. Возможно, скоро снова будет дождь. Ну, и хорошо, несмотря на сырые улицы и грустных людей, мне нравился дождь. Иногда казалось, что он может смыть какие – то человеческие пороки. Хотя это невозможно.

Тот человек, что хлопнул дверью, пробежал по лестнице и стремительно пронёсся по коридору, хлопнув еще сильнее дверью своей комнаты. Я поняла, что это был вечно уравновешенный и умный Зем. Его комната была, почти соседней моей. С тех пор, как он уехал, мама там ничего не трогала. Варния вообще не пользовалась большей частью, комнат, что были в доме.

Я продолжала сидеть на полу, размышляя о разных вещах, но главным образом о той, бессмертной старушке. Бессмертная старушка, это, как гора Эверест для улитки, хотя та, хотя бы представляет, как её убить. Если же я буду ползать по этой старушенице веками, то она от этого несколько не устанет. Тем более она меняет внешность. Тем более

она имеет такую охрану. Может быть, надо попросить Главных притвориться мёртвыми, чтобы она успокоилась? Да, это глупо и нелепо, но кажется более адекватным, чем убить её просто так.

В дверь раздался стук. Я немного съежилась и прижала к себе Казиру, мне хотелось стать невидимой. Стук снова раздался, и я перестала дышать, рассчитывая на то, что так будет лучше и тот, кто за дверью уйдёт быстрее, но тут Казира выдала:

– Кто там? Клара, ты принесла мне молока? У тебя есть ключи.

Я посмотрела на неё сурово, и мне показалось, что если бы она могла, то коварно улыбнулась.

– Это Глумир. Лекима ведь тут? – его голос был робок, как никогда. Я сдалась и, встав с полу, открыла дверь.

– Запри за собой —почти шёпотом произнесла я.

– Да, понял я – он отвернулся и запер на ключ входную дверь, мы оба сели на кровать, уставившись на свои руки.

У нас это было общее, когда мы чувствовали себя неловко или скованно, то опускали голову вниз или рассматривали предметы, просто не могли посмотреть друг на друга. Иногда говорили, что близнецы близнецами, а с Глумиром мы похожи, как родные. Я считала, что мы переняли эти привычки друг у друга в связи с долгим пребыванием рядом. В конце концов, он достал пачку сигарет из заднего кармана шорт и протянул мне. Но я не стала ей брать, мне больше

не хотелось курить. Никогда.

– Да ладно? Я думал, после посиделок у Главных, ты будешь дымить день и ночь — он затянулся.

– Я тебе врежу сейчас, Глумир. Не кури в моей комнате.

– Воу, по – спокойней, сестрёнка. Мне дорога моя сексапильная челюсть.

– Что за бред ты несёшь?

– А ты чего какая? Решила сидеть тут и киснуть? Реветь за дверь и считать, что мне наплевать на тебя? Думаешь, я оставил тебя, когда Зем бесится с не взаимности? А? А?

– Да, заткнись ты уже. Бесишь.

– Хватит уже дуться на меня. Я такой, какой есть. И ты тоже. И не надо прогибаться под всяких уродов.

– Поддержка на сто баллов. Молодец.

– У тебя уже есть план?

– Не – а, сначала нужно остановить Зема.

– Чего ты снова увидела там в будущем? – он расслабился и улёгся на кровати, вытянув ноги.

– Он убьёт девушку, потому что она его не любит.

– Шлюха.

– Глумир!

– Пускай убивает, давай лучше о той девчонке поговорим.

– Слушай, я бы с радостью, да Зем будет всю жизнь убиваться после этого. Возможно, он сойдёт с ума.

– Ты его сейчас – то видела? Знаешь, как он по дому носится? Хуже не будет.

– Тебе совсем плевать на брата.

– А с какой стати мне должно быть не плевать на его, м? Ему всю жизнь было плевать на нас с Франдом, а теперь я должен пропитаться к нему любовью?

– Ты, правда, так считаешь? Глумир...

– Да, именно так и считаю, и Франд тоже. Мне даже нежная и сопливая Кролин нравится больше, чем этот напыщенный петух.

– Вот оно как... – я снова опустила голову вниз, и обвинила себя в том, что не заметила этой трещины в нашей семье.

– Слушай, не беспокойся. Серьёзно. Всё нормально. Мне этот Зем, даром не сдался.

Потом я решила, что это не мой проступок, и что с Земом я разберусь позже, сейчас главной задачей была старушечья, и я начала выливать всю информацию на Глумира. Выражения его лица по ходу рассказа менялись так стремительно, что иногда я отвлекалась и смеялась, но он заставлял меня продолжать.

Я рассказывала ему свои предположения, планы, то, что происходило у Главных, утаивая некоторые факты. Показала татуировку. Говорила о чуде – исцелении. Мы проболтали, выбирая план действия, несколько часов. Незаметно для самих себя сплотились в единую команду, как и в любой ситуации, которая требовала каких – то крайних мер. Мы запланировали никому ничего не рассказывать о нашем сговоре.

В итоге, для начала решив, следить за этой дамочкой. Казира вступала в наш сговор автоматически, как и солдат Глумира, который сидел, чёрт знает где. Ему всегда удавалось появляться неожиданно, и так же исчезать. Я думала, что у Глумира полно с ним проблем, но он никогда не жаловался.

Мы отвлеклись от дела и начали о чём – то оживлённо спорить, но в скором времени телефон у Глумира зазвонил, наполнив барабанными ударами всю комнату. Я замахнулась на него, будто хотела ударить, но он тут же взял трубку и приложил палец к своим губам, в знак молчания.

– Да? Я у друзей. Нет. Я не знаю, где он. Нет, тут нет девушек, кроме моей сестры. Нет, она лесбиянка – я вытаращила глаза, а он улыбнулся – Нет, она занята и не может это подтвердить. Ты ревнуешь меня? Ой, кто кому еще мозг выносит. А тебе не надоело это по сто раз на дню спрашивать? Чего ты хочешь – то от меня? Мы и так встречаемся. А как? Я? Не знаю. Да ни с кем я тебе не изменяю! Стой!

Я смотрела на него с непонятным выражением на лице, потому что не могла понять, толи мне разразиться неудержимым смехом, толи прибить его за мою новую ориентацию. В конце концов, я схватилась за живот, ткнула в него пальцем и закатилась немым смехом. Его это жутко разозлило, он слез с кровати и принялся пинать стену.

– Стена не виновата, что у тебя девочка ревнивая.

– Да ну её! Какого чёрта вам всем надо? Я предложил ей встречаться пару дней назад, и она была счастлива, но этого

хватило на пару дней, и теперь она устраивает мне истерики, и вечно это её сопливое: «Ты меня любишь?», «Я тебе нужна?», «А как ты понял, что любишь меня?»

– Как мило.

– Чёрт! Мне просто нравилось быть с ней. Она такая крутая. Делала, что хотела и вела себя так беззаботно, я реально влюбился. Мне нравилось обнимать её и хотелось целовать, но потом она начала эти истерики, и меня больше к ней не тянет. Нет! Я люблю её, но она достала уже всем этим.

– А ты ей об этом говорил? – я легла на кровать, облокотившись на гору подушек, смотря с улыбкой на брата.

– Нет, конечно. Разве бабам говорят всё это? Это личное! – он немного покраснел.

– Я же тоже девушка, но мне – то ты признался.

– Так ты же сестра!

– И мне понравилось то, что ты сказал. Может быть, вам стоит обсудить это вместе. Я уверена, что ты ей тоже нужен.

– Я не говорил, что она нужна мне.

– А ты, что, каждый день оправдываешься перед девчонками и печешься о том, что они о тебе подумают?

– Такая вся умная, своего бы парня завела!

– Ты не кричи, пожалуйста. Я же не виновата, что ты не можешь со своей девушкой мирно поговорить.

– Да ну тебя! Всё. Мне пора.

Он вышел из комнаты, но когда хотел демонстративно хлопнуть дверью, в дверном проёме показался бешенный

Зем. Он отстранил Глумира, и захлопнул дверь с внутренней стороны. Брат повернулся ко мне и улыбнулся так, что мне сразу стало неловко. Я слезла с постели и встала у стенки, стараясь не смотреть ему в глаза, потому что в них полыхал огонь ненависти. Глумир начала барабанить с обратной стороны.

– Лекима! Лекима! Ты, тварь! Только попробуй хоть пальцем прикоснуться к моей сестре, я тебя на куски покрюмсаю! Лекима, я сейчас вернусь! Держись там!

Я пыталась найти глазами, что – нибудь, что помогло мне избежать гнева брата.

– Что ты видела?! – рявкнул он.

– Я видела то, что может произойти. Я видела правду, Зем. Мы оба это знаем, успокойся.

Я попробовала поднять стул и швырнуть им в брата, но ловкими движениями, он обогнул его. Тогда я начала швырять в него всевозможные вещи, от которых ему удавалось уклоняться, а если нет, то это не действовало. Сейчас им двигала ненависть и злоба, он не понимал, что творит.

– Ты врешь. Все вы просто против моего счастья с ней! Она первая, кто полюбила меня, таким монстром, какой я есть! А ты, и все остальные, эгоистичные существа, которые ничего не понимают! Мне тоже нужна любовь, незаметно?!

– Зем, успокойся. Пожалуйста! Я твоя сестра! Ты не можешь убить меня!

– Поверь, ты заслуживаешь этой смерти!

Он громко заорал, а я непонятно почему взглянула ему в глаза, и... всё стихло. Музыка в мире выключили. Я смотрела на его гневные глаза и чувствовала, как становилось холодно. Было ужасно холодно. Моё тело медленно опускалось по стене на пол, я теряла разум и уже почти ничего не понимала. Тело начинало покалывать так, как бывает, когда немеет нога или рука, но немного иначе. Холод поддёрнул мои губы, щёки, волосы, наверное, я становилось синюшной, как та девушка из видения.

Я закрыла глаза, приготовившись к смерти от брата. Брата, которого у меня больше не было, и смерти, которая давно меня ждала. Снова.

Тихое озеро, вода в котором прозрачна и невинна настолько, что если пролететь над ним совсем близко, можно рассмотреть всю жизнь, что осуществляют рыбки. Красная капля, падая в эту воду, начинает, сворачиваться и разворачиваться, выписывая дивные линии, пока полностью не растворяется в воде. Медленно и плавно озеро поглощает её, оставляя лёгкое напоминание об этой капельке, красную линию жизни.

То же произошло и со мной.

Когда я открыла глаза, то увидела часть лица того парня, что вчера так сильно ненавидел меня. Его губы целовали мои. Я была полностью во власти этого человека, потому что его руки крепко прижимали меня к себе. Тепло его тела

отражалась в каждой клеточке моего организма. Глаза Главного закрыты, а чёлка разбросана по всему лбу.

Затем рука парня скользнула с плеч к запястью, и он отстранился от меня, широко раскрыв глаза, посмотрел на меня с лицом, которое совершенно ничего не выражало. Я смотрела на него, скорей всего, с таким же выражением. Как же его там звали? Как звали меня?

Он поднял меня на ноги и, наконец – то, отпустил из своих рук. В этот момент, я поняла, что почти вся моя семья, смотрит на это зрелище. Да, меня поцеловал Главный. Чёрт. Только сейчас до меня это дошло, и я ужасно покраснелась. Когда парень это увидел, то злорадно хмыкнул, будто я такая ничтожно смешная. Он отвернулся и выскочил в окно, не сказав ни слова.

Я его ненавижу.

Вся семья сохраняла полнейшее молчание, хотя, тут не было Зема и Глумира. Что – то мне это не нравится. Я приняла, как можно более спокойное выражение лица, отерев губы рукавом, чтобы стереть воспоминания об этом... даже не знаю, как его назвать.

– Вы ведь мне сейчас всё объясните?

Как только Франд попробовал открыть рот, в комнату ворвался солдат, крича и размахивая оружием, а за ним с таким же криком вбежал Глумир. Они оба что – то кричали, а потом поняли, что сражаться ни с кем не надо. Тишина снова повисла, но теперь все смотрели на них. В нетерпении

я закатила глаза, и потянула Франда за локоть. Он очнулся, как будто застыл на минуту.

– А, да. Я зашёл, чтобы найти Глумира, потому что мы договорились съездить за баллончиками краски, но когда я вошёл в дом, он с криком и испуганным лицом выскочил из дома, успев сообщить мне, что Зем свихнулся и собирается убить тебя. Я сразу же пошёл звать маму и всех, кого нашёл. И вот приходим мы к твоей комнате, Клара выбила с ноги дверь – я оглянулась и увидела, что Клара смотрит в сторону с лёгкой улыбкой.

– А дальше? Как этот придурок оказался тут?

– Мы не знаем – пожал плечами Франд – Когда мы вбежали в комнату, то он стоял, заслонив собой тебя, и смотрел прямо на Зема. Почему – то сила братца на него совсем не действовала. Тогда этот бешенный сорвался и двинулся на этого Главного, но тот что – то сделал и Зем потерял сознание. Тогда этот парнишка, не обращая на нас ни малейшего внимания, села на пол обнял тебя, ну и, короче, вы начали целоваться.

– Мы не целовались!

– Лекима, ты была вся синяя, мы думали, ты умерла, а этот молодой человек спас тебя – вступилась за него мама.

– Испеки торт, я занесу ему его и поблагодарю за спасение.

– Вот чёрт! – Воскликнул Глумир – Я и сам бы тебя спас!

Мы переглянулись, и смех раздался почти от каждого из членов семьи, Глумир тоже смеялся.

Ближе к вечеру, то есть около семи, мы все готовили ужин, болтали о разном, то есть были обычной семьёй. Мальчики пробовали помочь мне вставить дверь. Я подняла её силой и приставила к петлям, а они стали что – то там делать, вскоре дверь стояла на месте.

– Теперь я буду побаиваться Клару – сказал Глумир, почесав затылок.

– Ты своего – то прила видел? Он Клару сломает пополам – возразил Франд, собиравший какие – то инструменты на полу

– Это да. И твоего тоже. Кстати, где эта девчонка?

– Она собиралась в библиотеку, или что – то вроде этого.

– А тебя с собой не взяла?

– А чего я там забыл? Тем более она всего лишь мой прил.

А тебя твоя реальная девушка никуда не берёт.

– Да, заткнись ты!

– Так, а ну тихо. Сейчас снова подерётесь.

– Мальчишки должны драться – произнесли они хором и пробежали, догоняя друг друга, вниз по лестнице.

– Морилс! Морилс! Морилс! – раздался призывающий крик Кролин где – то внизу.

Я подошла к лестнице и села на пол, свесив ноги вниз через опоры перил, что ограждали коридор второго этажа. Кролин ходила по дому, пригнувшись, и звала своего прила. Интересно, зачем ей понадобилась эта лисичка? Может быть, она по ней соскучилась. Сестра походила еще пару ми-

нут, а потом выпрямилась и, вытирая пот со лба, заметила меня. Она смотрела, как бы сомневаясь, я ли это, и стоит ли говорить со мной. Я же смотрела на неё лицом, которое выражало лёгкую неловкость и вину.

– Ты не видела Морилс?

Её голос звучал так робко, будто она провинилась передо мной, или мы были вовсе незнакомы, и ей было неловко отвлекать меня. Я указала пальцем вниз, и она немного нахмурилась. Тогда еле заметно закатив глаза, немного постаравшись, вывела из подвала кошачью кровать, на которой спала лиса. Я опустила её на пол, и подумала, что раньше я не могла так использовать свой телекинез. Кролин не поднимала на меня головы. Она посмотрела на лису, затем взяла её на руки и вышла из моего поле зрения.

– Кролин! – выкрикнула я, прежде, чем вскочить с места и сбежать по лестнице вниз. Она снова появилась передо мной в дверях кухни.

– Что – то случилось? – она прижимала к себе лису, которая дрожала, но они обе боялись.

– Я люблю тебя. Пожалуйста, не думай обо мне иначе. Я всё та же, твоя Лекима. Я не переживу, если ты станешь относиться ко мне иначе – я выдохнула и прислонилась к стенке. Обычно я не говорила подобного. Да, вообще не говорила, никому и никогда. Люди не понимают нежностей, только грубость.

– Дурочка! – вскрикнула сестра и кинулась обниматься ко

мне, несмотря на лису, что спрыгнула с рук на пол и спряталась за вазой с цветами – я так люблю тебя! Любимая моя! Родная! Я испугалась, что ты разлюбила меня, что теперь я не нужна тебе! Мы с мамой подумали, что там тебе промыли мозги и теперь ты нас всех не любишь! Мы решили, что ты в нас больше не нуждаешься.

– Мама! Мама! – закричала Кролин и тем самым испугала еще больше свою лисичку.

– А? Что случилось?! – вбежала в комнату мама с огромным кухонным ножом.

– Лекима любит нас. Мы ошибались, мам. Всё хорошо – Варния заметила, что мы стоим в обнимку и опустила нож.

– Господи, вы обе меня так напугали – и в наши объятия добавился еще один человек.

Именно в этот момент в дом зашёл Глумир. Он упал на колени и, вскинув руки к небу, закричал немым криком. Затем, он как будто пытался смыть кожу с лица. Когда он побился головой о пол, то решил встать.

– Может быть, уже хватит. Вам самим не надоело? – яут я поняла, что мама использовала свою силу, потому что Глумир оказался посередине наших объятий.

– Добро пожаловать.

– А, нет! Только не это! Я умираю! О, нет! Выпустите! Я еще так молод! Я хочу жить! Брат! Где ты! Помоги мне! Спасите!

Он начал пытаться убежать, просовывать руки в проме-

жутки между нашими руками и телами, а потом чуть ли не заплакав превратился в птичку и вылетел из наших объятий, отлетев на лестницу, почти на последней ступеньке перед вторым этажом. Брат обратился обратно.

– Я на вас в суд подам! Ненормальные! Вы мне чуть психику не покалечили! Маньячки!

С этими словами он скрылся из виду, а за ужином всё было, как обычно. Как обычно не было Зема, не потому что он учится, а потому что его забрали Главные. Он использовал силу против одного из нас, а это было нарушением правил, значит, он будет наказан. Мы все уплетали вкусности, что наготовила мама с Кларой. Мальчики о чём – то снова спорили, а мы смеялись над ними. Казира сидела на кухонном столе и ела кусочек жареной рыбы, а прил Кролин снова где – то спряталась. Когда ужин был закончен, то мальчики быстро собрались и, поцеловав маму в щёку убежали, убирать всё пришлось нам. Как обычно мальчики сваливали все домашние дела на нас, хотя иногда у нас получалось уговорить их что – то делать.

Когда мы всё убрали, то Кролин предложила вместе посмотреть какой – нибудь фильм. Мама сначала сопротивлялась, но потом загорелась желанием больше нас обеих. В конце концов, мы выбрали «Жутко громко и запрительно близко». Расположившись на огромном диване перед экраном, мы нашли фильм, и начался просмотр. Фильм был хорошим, мама и Кролин его еще не смотрели, а, значит, удив-

лялись всему, что не знали.

В дверь позвонили, и я сказала, что открою сама, так как их сюжет захватил полностью, и начали прорываться слёзы сожаления.

– Привет, крошка.

– Пока – я захлопнула перед ним дверь и вернулась в комнату.

– Кто там был? – спросила обеспокоенная мама, держа в руках носовой платок и вытирая слёзы.

– Никто....

– Там был я – появился в комнате парень, которого я явно не желала тут видеть.

Он подошёл ко мне и, положив руку мне на плечо, притянул к себе.

– Вы извините, что отвлекаю вас, дамы, от просмотра фильма, но меня попросили зайти за Лекимой.

– Сам ведь желание изъявил – процедила я сквозь зубы.

– Ох, ты так хорошо меня знаешь, крошка. Да, я не удержался. Еще встретимся дамы.

В следующее мгновение я оказалась в непонятной мне комнате, но судя по виду из окна, это было здание Главных. Я осмотрелась по сторонам. Комната была достаточно мрачной и пустой. В ней находилась кровать, комод и диван с маленьким столиком. Было два окна и проход на балкон без окон. Этот выступ напоминал мне о Ромео и Джульетте, он был таким же округлым и красивым. Стены были обклеены

обоями с рисунком под древесную обшивку. Я заметила, что пол каменный и холодный, ведь в очередной раз я не успела переодеться и оказалась босиком. Приходилось переступать с ноги на ногу, чтобы ноги привыкли.

– Это твоя комната? – спросила я как можно равнодушной.

– Ага. Нравится?

Он подошёл ко мне вплотную, не дав сказать что –нибудь оскорбительное. Его руки скользнули мне на талию и, прижав меня к себе, коснулся своим носом моего. Его глаза пристально смотрели в мои, а губы улыбались. В комнате не было ни одного лёгкого предмета, который я могла бы уронить на него и не убить при этом. Но когда Виталик стал приближать свою рожу еще ближе, чтобы поцеловать меня, я не выдержала.

Силой мысли резко придвинула стол к его ногам, так что Виталик, пошатнулся и сел прямо на него, отпустив меня. Когда он спустился с «небес на землю», то перестал загораживать мне дверь, которая оказалось открытой, а на пороге стоял тот самый парень, который, грубо говоря, спас меня. Мне стоило бы раскраснеться, но это не вызвало у меня никаких эмоций.

Главный долго всматривался, а Виталик молча сидел рядом со мной. Спустя какое – то время он встал со столика, и собрался снова меня схватить, но я ощутила на запястье знакомое прикосновение. Меня словно выдернули из общего

потока событий и вволокли в другой, безопасный мир. Если бы меня попросили придать ему оттенок, это был бы синий. Синий – тёплый цвет.

Это озлобленное существо, чьего имени я не помнила, сильно сжал моё запястье, так, что я чуть не застонала от боли. Он презрительно посмотрел на Виталика, который делала то же самое. В конце концов, высокомерный болван попробовал сделать шаг в нашу сторону, но тут безымённый парень, повернулся к выходу и резкими шагами вывел меня из комнаты. Эти Главные уже начинали действовать на нервы. Особенно эти двое.

Мы пронеслись вниз по ступенькам и вышли на небольшую площадку, в которой было несколько дверей, мы выбрали какую – то неказистую. За ней оказалась еще одна лестница. Мы снова спускались, и всё это время мне приходилось бежать, потому что его большие и быстрые шаги не позволяли мне идти за ним спокойно. Эгоист.

Потом мы очутились в каком – то коридоре, но, внезапно, он остановился. Мне показалось, что Главный хотел что – то сказать, но вместо этого сжал мою руку еще сильнее. Интересно, как быстро она сломается. Судя, по его уровню ненависти ко мне, в любую секунду.

Тогда он снова рванулся с места, и мы пошли по коридору дальше, периодически сворачивая, то вправо, то влево, в конце концов, снова оказались у той огромной двери. Парень оставил меня у дверей, а сам отвернулся и куда – то

ушёл.

– погоди!

– Чего тебе, тупица?!

– Какого чёрта я тупица? Кто тебе дал право считать себя, лучше всех? Кретин!

Выкрикнула я и зашла в комнату, сразу же закрыв двери, но в тот же миг раздался удар по двери с внешней стороны. На секунду я закрыла глаза, подумав, что так он исчезнет, всё стихло.

– Здравствуй, дорогуша.

Я обернулась и увидела Валдина, который сидел в изголовье стола, длинной в 31 персону. Я знала такие столы, потому что видела их в журнале по этикету. Этому научил меня брат.

Комната в миг залилась ярким светом. Это было огромное помещение, обвешанное картинами из всевозможных эпох. Обои были золотистого цвета, а ковёр настолько шикарным, что я могла бы спать на нём. Наверху царствовала огромная люстра с всевозможными сияющими камнями и цепочками. На потолке были нарисованы небесные картины, которые я видела в церквях и в театрах. С другой стороны комнаты, где вчера Валдин вошёл в стену, находилась такая же огромная дверь с колоннами в виде двух могучих силачей. Стол был накрыт красной скатертью, на ней стоял 31 прибор, но никакой пищи не было. Стулья – высокие и элегантные, такие стоят в ресторанах и домах богачей. У стен находились

тележки, в которых перевозят пищу и прохладительные напитки. На том же месте остались только маленькие столики и камин, который не так давно казался мне старым и уже давно уставшим, но сегодня он был в расцвете сил. На стенах золотистые линии создавали причудливые узоры, поражая своей красотой. В двух углах стояли красивые большие вазы, в которых благоухали огромные букеты цветов. Примерно на седьмом месте справа сидела девочка, что вчера была со мной так добра.

– Лекима пришла! – она вскочила с места и бросилась в мою сторону с широко раскрытыми белыми зрачками.

Она подбежала ко мне и обняла, но девочка доставала мне только по тазобедренный сустав. Обхватив мои ноги руками, она начала совершать вращающиеся движения, тем самым пытаясь меня раскрутить. Затем Главная схватила меня за руку и потащила к Валдину. Только сейчас я заметила, что за столом сидит Брокл, он подал вчера кресло, сочувствуя мне. Было удивительно, что я запомнила его имя. На двух стулья по правую и левую руку от Валидна сидела моя ровесница, что вылечила меня и Зем.

Брат был привязан толстыми цепями к стулу и явно находился в плохом состоянии. Больше за столом никого не было. Я заметила, что моя ровесница, как и в прошлый раз сидела словно статуя, которая не имеет ни мимики ни чувств. Но когда маленькая девочка подвела меня к Валдину, она встала и пересела на соседний стул, опять же без лишних

действий, слов, чувств. Как робот.

Когда же я уселась на освобожденное место, то ребёнок, снова забрался ко мне на колени и, крепко обняв меня, закрыл глаза. Самое очарование, прямо ангел воплотил.

– Здравствуйте – робко произнесла я, сама себя удивляясь.

– Как твоё здоровье, дорогуша?

– Всё хорошо. Спасибо.

– Ну ка. Подними меня на стуле.

Я прикрыла глаза, чтобы не видеть его реакции и с лёгкостью подняла его в воздух вместе со стулом. Он и Брокл захлопали, Зем поднял голову на меня. Я почувствовала лёгкий ветерок у себя за спиной, там появился Виталик. Он положил руку мне на плечо и, наклонившись, зашептал мне на ухо:

– Мы еще продолжим, крошка – я съезжилась.

Теперь мне хотелось носить с собой нож. Но тут он выпрямился и посмотрел на брата.

– Опустит голову, иначе именно я тебе её отрежу.

– Успокойся Свимпут, держи себя в руках. У нашего общего знакомого больше нет сил. Брокл, будь добр, вытащи у него кляп.

Мужчина вытащил тряпку, и кровь потекла изо рта брата, но Главный подставил тарелочку, и она капала именно в неё. Ни у кого, кроме меня это ни вызвало никаких эмоций. Мне же хотелось вылезти из кожи.

– Что вы с ним сделали? – прошептала я еле слышно. На глазах навернулись слёзы, когда Зем их увидел, то усмехнулся.

– Не строй из себя добродетель. Тебе же плевать на то, что со мной станет. Тебе бы только отравить мою жизнь! Сука!

Резко и, должно быть, больно брата прибило к спинке стула, и он замолчал не в силах говорить. Его зрачки налились кровью, он открывал рот, пытаясь что – то выкрикнуть, но оттуда вылетала только кровь и слюни. Я невольно отвернулась и увидела лицо девушки, которая, скорей всего, была старше меня только на год или два, ровесница.

У неё были выразительные скулы и острый подбородок. Губы плотно сжаты, они такие тёмные, словно в них втирали что – то кроваво – красное. Её огромные голубые глаза смотрели прямо, в те моменты, когда она моргала, длинные чёрные ресницы опускались и моментально взлетали ввысь. Длинные или короткие волосы, не знаю. Они стянуты в тугий пучок на затылке. Осанка была гордой, несгибаемой. На шее виднелась маленькая родинка, а на запястье знак того, что она Главная. Вены на её руках очень сильно выпирали, они были не голубыми, как у обычных людей, а более зеленоватые. На ней были легенсы чёрного цвета с маленькими узорчиками на краях, длинный кардиган, а под ним белая майка. Рукава кардигана были закатаны, таким образом, что казалось, будто она в нём тонет. На ногах у неё ничего не было. Её маленькая грудь еле заметно вздымалась, когда она

дышала, и когда капля крови Зема попала ей на лицо, Главная не стала дышать чаще, не изменила мимики, ничего. Она медленно поднесла руку к щеке и отёрла её.

Но со мной произошло нечто другое. Капля крови на моём лице привела меня в полный шок.

– Помогите ему! – я вскочила с места и увидела, что маленькая девочка у меня на коленках не изменила положения, часть её тела парила в воздухе, я же не ощущала никакого груза.

– Поздно ему помогать. В скором времени он умрёт и без нашего вмешательства.

– То есть... умрёт? – я села на место, не отводя взгляда от брата.

Внезапно я услышала смешок в другом конце стола. Там сидел парень, что притащил меня сюда и чуть не сломал мне руку. Его ноги лежала на столе, а сам он смотрел в потолок, скрестив руки на груди.

– Дура – произнёс он еле слышно.

– Видишь ли, дорогуша. Когда мы забираем силу у кого – то, жизнь покидает тело. Мы без силы, обычные люди, но существовать неё можем только искусственно, то есть в коме. Он нарушил закон и сейчас получает последствия своего поступка.

– Зачем вы его привели?

– Я рассчитывал на то, что он раскается, и мы сжались над ним, но вижу, он этого делать не хочет.

– Разве вы не должны были провести разбирательства?!

– В этом случае, нет. Один из нас стал свидетелем этого действия. Зем Виджин сам признался в содеянном.

– Вы его заставили!

– Тем более сам я почувствовал, как он применяет к тебе силу. Отметка на твоей руке, дала мне об этом знать. Но, когда я собирался к тебе кого – то отправлять, было бы уже поздно. К счастью, Лукинс, почему – то, сам отправился тебя спасать раньше всех. Надеюсь, ты его поблагодарила.

– Спасибо.

– Не благодари, я уже пожалел, что спас тебя.

– Прости, крошка, что я не смог. Я бы защитил тебя, как только смог!

– Отвали от меня уже. Вы могли бы сказать ему, чтобы он не шастал за мной и вообще не лез ко мне. Пускай он лучше ненавидит меня, как этот Ваш Лукинс.

Парень на другом конце стола перестал смотреть в потолок и повернул голову на меня. Мы столкнулись взглядами. Всего лишь на секунду, случайно. Не поняла, что произошло, но меня как – будто загипнотизировали, я не могла оторваться от него. Какая – то линия протянулась через весь стол и связала наши взгляды. Он использует силу?

Это длилось пару секунд, потом линия между нами оборвалась, и я отвернулась, но Главный продолжал смотреть на меня, явно чем – то недовольный. Валдин мельком взглянул на него и немного изменился в лице.

– Ты хочешь сказать что – нибудь брату перед его кончиной, дорогуша.

Я перевела взгляд с Валдина на Зема. Я не знала, что ему сказать, по его лицу вниз стекала кровь, тело начинало бледнеть, его трясло. Он уже не был в силах кричать, двигаться, плевать. С каждой секундой он приближался к миру мёртвых.

– Скажите, Валдин, Вы можете многое?

– Конечно! – загордился он – Я ведь самый старший.

– Вы могли бы ему передать то, что я видела в будущем.

Чтобы он увидел, то, что вижу я?

– Хм... – Валдин сделал задумчивое лицо всего лишь на мгновение и посмотрел на девушку, что сидела рядом со мной – Ложири, будь добра.

Она практически незаметно вздохнула, встала и ловкими движениями залезла на стол. Главная сделала пару шагов и села в позе лотоса, прямо напротив Валдина. Он улыбался, но на её лице не было никаких эмоций, она протянула мне руку. Я сомневалась пару секунд, а потом протянула её свою ладонь. Девушка протянула вторую руку к лицу Зема. И каким – то ловким и сильным движением закрыла ему глаза, брат даже не пытался сопротивляться. Очевидно, что здесь, он ненавидел только меня.

Валдин кивнул в мою сторону, и я начала вспоминать детально всё что видела. Я полностью составила из временной петли то видение и передала его по руке девушке. Открыла

глаза и уставилась на брата. В моём сердце пылала какая – то бешенная надежда на то, что он очнётся. Я так хотела, чтобы он жил.

Зем задёргался через пару минут, а еще через две он упал лицом на стол. Девушка отняла руку, и вернулась на места, всё так же автоматически. Может быть, она робот. Я уже не понимала этого.

– Зем...

– Это не правда. Не может быть. Я... любил её – брат поднял голову, по его щекам текли слёзы. Огромными каплями они падали на тарелку. Его лицо было в крови, и капли, что падали вниз, казались кровавыми. За пару секунд они прочистили себе путь вниз и на лице остались чистые полосы. Он плакал взахлёб, как в видении – Я так любил её! Я хотел, чтобы она стала моей женой! Чтобы я, наконец – то, был счастлив! Но... видимо, так и должно быть – он взял себя в руки – Прости меня, Лекима. Прости, умоляю. И у мамы и у всех попроси прощения за меня. Я был таким плохим братом и сыном. Мне так стыдно. Прости.

По его лицу продолжали течь слёзы, я попробовала протянуть к нему руку через стол, но Валдин отрицательно покачал головой, и я вернулась на место. Зем не мог остановить свою боль, страх и отчаяние в глазах, поэтому опустил лицо. По моим щекам покатались слёзы, которые я даже не ощущала толком, просто картинка помутнела, внутри всё сжалось. Мной овладело непонятное желание: разнести всё

и спасти брата, но что я могла? Что могла я против Главных?

Как только моя слеза упала на голову маленькой девочке, она проснулась и посмотрела на меня своими белым глазницами, я не могла понять её эмоций и чувств, поэтому никак поначалу не отреагировала, а затем Главная слизнула слёзы с моего подбородка. Это привело меня в недоумение, но я продолжала плакать, понимая, что никак не могу это оставить.

Валдин поднял руку, и Брокл кивнул. Началось движение, но Виталик, всё это время стоявший у меня за спиной, что – то произнёс и направился к брату. На мгновение я перестала плакать. Брокл поднял лицо Зема, и я увидела его глаза, смотрящие на меня.

– Люблю тебя – прошептала я.

В руках Виталика очутился огромный лабрис. Я перестала дышать. Секунды стучали у меня в голове, но стук сердца заглушал их. Взмах.

Я люблю тебя, Зем.

Я люблю тебя.

Удар.

Его глаза всё еще смотрели на меня. Девочка у меня на руках начала трясти меня. Кажется, тогда я сидела с вытаращенными глазами и открытым ртом, по щекам у меня текли слёзы.

Потом Брокл что – то сделал, и тело исчезло. Никто из них даже не изменился в лице. Хотя Виталик, кажется, доволен

содеянным. Мужчине было всё равно, он почти сразу же вышел, через ту дверь, которой раньше не было. У Валдина появилась бумага на столе, и он принялся что – то писать. Девушка сохраняла спокойное лицо, впрочем, как всегда. А, может быть, мне кажется. Я ничего не понимала. У меня был ветер в голове и щемящая боль в груди. Мне хотелось потерять сознание, но ничего подобного не происходило. Я молча сидела, но никому из них не было до этого дела. Думаю, они совершали это сотню и тысячу раз, вошли во вкус.

Это их работа, иначе бы все нарушали правила. Господи! Я что, их оправдываю? Спустия какое – то время тело девочки перестало давить на мои колени, её согнал парень, который ненавидит меня. Он наклонился ко мне и взял меня на руки, никто и ничего не осмелился ему сказать, только Валдин смотрел на нас как – то странно. Мне было всё равно. Несмотря на руки, что держали меня, дрожь пробила всё тело. Главный понёс меня куда – то, я видела то угасающие блики, то слишком яркий свет. Всё расплывалось, я видела только пятна: какие – то светлей, какие – то темней. У него были горячие руки, но мне всё равно ужасно холодно.

Потом произошёл какой – то скачок, на мгновение всё погасло, а потом я очутилась у себя в комнате, но всё еще на его руках. Какое – то время он просто стоял и смотрел на меня.

– Ты сейчас выглядишь так жалко, что была бы самой себе противна. Ужасное зрелище, поверь.

Мой мозг даже не соображал, ответить ему не представ-

лялось возможным. Он положил меня на кровать и сел рядом. Накрыв меня одеялом, Главный встал и, отряхнувшись, отвернулся. В моей голове что – то провернулось, как будто кто – то резко включил перемотку назад, и я услышала имя в голове. Я хотела, чтобы он остался.

– Лукинс... – прошептала я.

Он резко повернулся и пристально уставился на меня.

Я тебя видела, парень, но где? Он снова сел ко мне на кровать и смотрел на меня так обеспокоено, неужели он может за кого – то волноваться? Мне стало еще холоднее, а глаза стали слипаться.

В определённый миг, когда я почти отключилась, его губы снова соприкоснулись с моими. Это горячее прикосновение обжигало меня, заставляло всё во мне оживать. Но мне было всё равно: я не сопротивлялась, не способствовала развитию, ничего. Он нашёл своей рукой мою и сжал её, но с какой – то нежностью, тревогой, я почувствовала это, несмотря на онемевшие конечности. Не знаю, сколько времени длился этот поцелуй, может быть доли секунды, но когда он отстранился, я уснула.

Глава 3. Такова жизнь

Листва приятно шуршала, листочки переговаривались друг с другом. Деревья гнули свои ветви и при этом не издавали стонов, потому что для них это была лёгкая разминка. Ветерок, который игрался с садом, был в хорошем настроении и казался удивительно приятным. Солнышко, что светило сквозь облака, иногда заставляло прищуриться и закрыть лицо руками. Цветы в саду дарили нам приятный аромат и радовали взгляд. Утки, что плавали по пруду, который не так давно расширили, довольно кричали, ныряли в поисках пищи. Погода была на удивление хороша, даже для нас. Сегодня шёл грибной дождь, и трава всё ещё блистала.

Мы сидели в беседке за домом. Когда – то мы построили её все вместе с трудом и упорством, возводя на месте старого сарая. Она была выкрашена в голубоватый оттенок, который сливался с облаками. Беседка была не очень большой, но в тёплые вечера вся семья умещалась за чаем или настольными играми. Сидения были обиты мягкой тканью, поэтому мама всегда дремала на них.

Герои книги, что я читала сегодня, были подозрительно хорошими. Не умирали, не грустили, не бросали свои надежды и любовь, но я знала, что им не светит счастливый конец. Так всегда.

Варня сидела с журналом, периодически зевая и перели-

ствывая страницы, она давала понять, что не уснула, но хочет. У меня оставалось примерно 200 страниц, и книгу можно было бы отложить в сторону. Через полчаса должен прийти Глумир. Мы каждый день ходим наблюдать за Пелагеей, так зовут ту старушку, которую мы принимаем за всемирное зло. Уже 4 дня мы следим за ней, стараясь идти по её пятам, но толком ничего не узнали.

Примерная картина, её действий была такова, она выбирала между третьей семьёй в нашем городе и семейкой за 500 километров от нас. Я знала, что это за семейство, в нём было всего лишь два члена семьи, оба мужчины. Не знаю, сильные у них способности или нет, но думаю, если ей захочется, она заберёт и их коробку.

Глумир оставался следить за ней чаще меня, только он мог принять образа животного и не бросаться в глаза. Казира находилась с братом на всякий случай. Она считалась более опытной, но место расположения солдата Глумира, ни я, ни она так и не вычислили.

Старушка совершенно не спешила, она могла сидеть и, грубо говоря, плевать в потолок. Пелагея не разорвалась попусту, не плакала, не торжествовала. Её жизнь нельзя было назвать приемлемой, это больше походило на жалкое существование. Однако мы выяснили, что она является генеральным директором какого – то огромного проекта в нескольких странах, это означало, что старушка – большая шишка и деньги должна грести лопатой.

Хотя в её богатстве мы не сомневались. Как минимум 15 качков служили в её охране, несколько домов по нашему городу принадлежали только ей. Рой важных особ, который каждый вечер приходил к ней на вечеринку. И каждый день она ложилась в постель с новым стариком, брюхо которого было под стать его мешку денег. Мы знали это совершенно точно.

Однажды я и брат прокрались к ней на вечеринку под видом официантов, она нас даже не обратила внимания. Старушка была так занята лизаньем пяток новому господину, что даже если бы мы были омоновцами, то остались бы незамеченными. Конечно, никто не знал, что этой старушке сотни лет и что она само зло.

Она принимала вид какой – то женщины 30 лет. У неё были чёрные волосы по поясницу, карие глаза, которые скрывались за стеклом очков. Можно было сказать, что она симпатичная, но мне хотелось плеснуть в неё кислотой. Музыка на её вечеринках ужасна, и когда мы отправились домой, у меня был ужасный настрой.

Ко всему этому прибавлялось дурное настроение, которое мне портил Виталик. Сколько бы он не получал ударов и оскорблений от меня, его стремление достать меня не становилось меньше. В первый день после смерти Зема, я пыталась игнорировать и не обращать внимания на то, что он приходит. Потом сделать вид, что отношусь к этому совершенно холодно и спокойно, но на третий день этот парень

снова вывел меня из себя, и я швырнула в него вазой с цветами, но Виталику было и это было ни по чём.

После того случая я была в доме Главных только один раз и видела только Валдина и Ложири. Видимо, они были неразлучны. Старик передал мне кое – какую информацию об этой бабушке и отправил меня домой. Скорей всего, сегодня вечером я снова попаду в их дом, сегодня день разбирательств. Обычно на это уходило немного времени, Главные опрашивали пару человек, а потом обращались к семье с вопросом, кто жертвует собой. Мне не приходилось там бывать, но я читала про это. Еще мне рассказывала об этом Варния, она была там, когда убили её мужа. То есть когда – то у нашей семьи был отец, но Кролин о нём почти никогда не говорила, это была какая – то запрещённая тема. Только однажды она упомянула о нём: «Таких тиранов, как он... не говорят о них».

Сегодня воскресенье, прошло 5 дней со смерти Зема. В семье никто об этом не говорил с тех пор, как я проснулась утром и рассказала всё. Плакали только Кролин и мама, у меня к тому времени закончились слёзы, а мальчикам и прилам было досадно, но откровенно всё равно.

Сегодня вечером будут разбирательства по делу Матвея, и на них приглашены я и Глумир. Вся остальная семья готовится к приходу девочки. Завтра утром она уже будет жить с нами, Варния не очень этому рада, потому что о ней идут только плохие слухи. Я никак к этому не относилась, мне

было глубоко плевать. Мне хотелось избавиться от этой связи с Главными. Поэтому всё моё существо пыталось думать только об этой бабушке. Главные так мне и не сказали, почему она хочет сотворить с ними такую злую шутку. Мне давалось столько информации, сколько они считали нужным. Зато я каждую минуту чувствовала, что за мной следят. А это не самое приятно из всего, что можно чувствовать.

Я заходила на работу к своей родной матери, у неё всё было хорошо. Она почти ни сколько не изменилась во внешности, на столе стояла фотография какого – то мальчика. Она взяла что – то похожее на свитер, как обычно. Мама работала в тур – агентстве, и клиенты там не валили толпой, чаще звонили. Я решила, что у неё все хорошо, и больше не приходила.

Я сменила номер и перестала существовать в обычном мире. Даже фамилия в паспорте у меня была теперь не папина, а нашей семьи. Виджин. Постепенно всё успокаивалось, или я просто привыкала к этому. Мама – Варния, постоянно стала читать книги по воспитанию неуправляемыми и агрессивными детьми. Кролин делала тоже самое по просьбе Варнии. Так как Франд куда – то пропал и редко являлся домой, а мы с Глумиром тратили всё своё время на старушку, мама понимала, что все заботы свалятся на её уставшие плечи и помощи она могла попросить только у сестры и Клары.

– Лекима! – послышался голос Глумира.

Тяжко вздохнув и захлопнув книгу на интересном момен-

те, встала и побрела в дом. Открыв входную дверь со двора, я обнаружила брата, носящегося по дому с выпученными глазами. Замерев на месте и перестав дышать, я ждала, когда же он обнаружит меня. Ему потребовалось на это меньше минуты. Глумир сразу же подлетел ко мне и встряхнул меня. Облокотившись на меня, он пытался отдышаться. Сумасшедший мальчик.

– Чего случилось – то?

– Эта, баушка! – ему всё еще было тяжело говорить.

– Тебе водички? – он отвернулся меня и, махнув рукой, пошёл и сел на диван в гостиной.

– Эта старуха уезжает. Она собирает свои вещички, а охрана уже перевозит коробки в огромных ящиках. К ней приезжала фура, они погрузили контейнеры и машины уехали.

– Видимо, она решила выбрать семью из двух мужчин – я присела рядом с ним и закинула ноги на столик.

– Засада. Как я понял, сегодня снова тусовка, но завтра она тоже будет тут. Они увезли только три контейнера.

– Она обязана принести коробку на разборательства. Всё просто.

– Ясно – он достал телефон, который активно вибрировал в кармане, и начала печатать смс.

– Вижу у вас всё прекрасно – съехидничала я.

– Да, как и у тебя с твоим мистером Поцелуй – Глумир скрутил губы в трубочку и начал целовать воздух. Я схватила

подушку и ударила его по голове, как можно сильнеей.

– Какой же ты балбес!

– Какой есть. А вот она мне уже реально весь мозг вынесла. Думаю, бросить её.

– Ты еще думать – то не научился, чтобы бросать её.

– Хочешь, чтобы я и дальше терпел всё это?

– А ты хочешь, чтобы я сама с ней поговорила вместо тебя?

– Тут разговоры не помогут.

– То, что ты не умеешь говорить, не значит, что разговор не поможет.

– Такая умная, а даже с парнем своим не общаешься – я снова ударила его по голове – да, хорош, уже бить меня! Чего я не так сказал – то?!

– Для начала, тот придурок, мне не парень, он просто спас мне жизнь из чувства долга или жалости. А во – вторых, никакая я не умная, ты глупее меня. И последнее – я встала с дивана и отвернулась – последний раз тебе говорю, разбери с ней по – нормальному. Иногда немного нежности, которую проявляем мы, может помочь спасти чью – то жизнь.

– Ты куда?

– За биноклем и другой одеждой, балбес.

Минут через 20 я делала вид, что гуляю со своей кошкой и рассматриваю на удивление красивую птицу в бинокль, которая в любой момент могла одарить меня своим помётом, потому что это был Глумир. Казира сегодня была не в духе,

а я отчаянно пыталась заглянуть в окна той бабушки. Но тут объект моих наблюдений, то есть птица, слетела вниз и залетела за угол. Мы с Казирой последовали за ним.

– Её нет в доме – произнёс уже перевоплотившийся Глумир.

– Предлагаешь через окно в спальне забраться?

– Ага.

– Зачем вам это, ребятки? – спросила Казира, перед тем, как вылизать свою лапу.

– Ну, вдруг мы там что –нибудь обнаружим.

– В прошлый раз вы перевернули весь дом. Те валуны, что охраняют его, даже с места не дернулись, когда ты, мальчик, уронил набор ножей.

– Ну и что?

– То, что всё это пустое. Ей нечего от вас прятать в этом доме, иначе бы вы туда так легко не попадали. У нас всё еще нет никакой полезной информации о том, как её остановить, не нарушив при этом закон, а в это время она уже нашла себе пятую жертву и собирается к ней ехать. Вы так и будете ходить с биноклем, и смотреть в окна?

– О, премудрая кошка, что же нам тогда делать?

– Лекима, скоро начнутся разбирательства, после них, я хочу, чтобы ты засела в библиотеке Главных. В прямом смысле засела на долгое время. Там ты найдёшь информацию о том, как их убивали. Подробные инструкции законов и правил, а также информацию о Главных. Кто знает, может

быть, ты найдёшься что – нибудь еще.

– А мне что делать?

– А ты уже разберись со своей девушкой, а то живот болит от смеха.

– Да ну вас! Обеих.

С этими словами Глумир пошёл прочь, а мы с Казирой остались на месте.

– Думаешь, меня туда впустят?

– Вообще – то это открытая библиотека для любого существа с силами, но о ней никто не знает, поэтому Главные хранят её только для себя. Если не впустят, то войди сама, ты имеешь на это право. Неоспоримое и полное.

– А ты раньше не могла мне об этом рассказать?

– Уж извини, но я узнала об этом только утром, до этого информация была догадками. Не беспокойся, мои источники надёжны.

– Тогда, домой.

– Извини, но у меня еще дела. Увидимся после твоего возвращения от Главных, и будь осторожней.

Она быстрыми и ловкими движениями запрыгнула на забор, а затем скрылась в кромке деревьев. Я прокрутилась на месте и пошагала домой.

Было около 6 часов, солнце светило во всю силу. Я всткнула наушники и включила свою музыку, надеясь, что она перекричит мои мысли. Но ничего подобного не произошло. К сожалению, я была одним из тех людей, которые не уме-

ют переживать момент своей жизни. Буду помнить его всю жизнь, изо дня в день, повторяя снова, не отпуская эту боль до последнего мгновения. Это всё равно, что ковырять болячку, не давая ей тем самым зажить. Самое худшее то, что я всё понимаю и помню.

Резкое столкновение с кем – то, вследствие чего чуть было не упала на землю, но сильная рука схватила меня за запястье и вырвала из земного притяжения, прижав к тёплому телу. Наушники выпали из ушей сами собой.

– Какая же ты неуклюжая, дура. Тебя и на улицу – то выпускать нельзя.

Я закатила глаза, потому что такого мнения обо мне был только Лукинс. Он так страстно ненавидел меня, что готов был оскорблять меня 24 часа в сутки, каждый день в году. Я выдернула свою руку, хотя он и не особо – то её держал.

– Какого чёрта тебе тут надо? Или тебя уже выгнали из Главных? Неудивительно, ведь ты совершенно не умеешь вести себя с людьми.

– Какая же ты идиотка. Таких дурочек как ты пор занести в красную книгу. Пошли, Валдин хочет тебя видеть.

Резким движением, моё тело оказалось перекинутым через его плечо, моментальный скачок в пространстве, и я уже в комнате у Главных.

Я не удержалась и стукнула его по заднице, в ответ, он сразу же скинул меня. На полу я увидела его глаза, которые выражали ненависть и непонятное мне чувство, но в сле-

дующий миг его взгляд изменился, и я почувствовала, то непонятное притяжение между нашими взглядами, как тогда за столом. Лукинс стал немного наклоняться ко мне, в глазах что – то сверкнуло, атмосфера и всё вокруг между нами наполнялось чем – то тягучим, жгучим и опасным. Набравшись сил, я отвернула от него голову и встала, повернувшись к Главному спиной. Раздался смешок, он вышел из комнаты. Чудно.

– Знаете, я никогда не привыкну к тому, что эта комната меняется каждый раз.

Валдин стоял у стола и смотрел на меня, как обычно.

На длинном деревянном столе находились всевозможные колбочки, баночки, пачки, коробочки, бутылки, шприцы и свитки. В комнате было темно, лишь факелы, что торчали из стен, освещали помещение. Тут не было ни камина, ни огромной двери, сюда можно было попасть только через стену или пролезть в окно, которое находилось под самым потолком. Голые каменные стены демонстрировали свои трещины, а такой же пол был ужасно холодным. Я ощущала это даже через балетки. По всей комнате стояли, какие – то котлы, валялись мешки, стояли баки с чем – то.

У одной из стен стоял большой стол, на котором располагалось несколько клеток. Какие – то были больше, какие – то меньше. В них были мыши, крысы, хомяки, черепахи. Летучие мыши, попугаи и другие мелкие птицы. В двух были котята, которые отчаянно пищали в поисках мамы. Под сто-

лом в более большой клетке лежал волчонок, который тяжело дышал. Еще там были сложены яйца разных размеров и цветов. В котелках что – то бурлило, но не они привлекали моё внимание.

Больше всего мне было интересно смотреть на стены, на них висели головы всевозможных животных, иногда это были черепа рогатого скота, а иногда с головы еще капала кровь, и казалось, что еще теплится дыхание. На потолок я взглянула единожды и предпочла о нём не думать. И не потому, что я боялась пауков, а потом что, считала, что никому неприятно, когда на тебя спустится существо с восьмью лапками и начнёт кусать тебя.

Весь потолок был залеплен паутиной, полностью, белой пеленой. Там ползали от маленьких до громадных пауков. Все они находились в движении, как бы осуществляя важную работу. Некоторые паутины доставали до пола, и поэтому комната была трудно проходима, я стояла на месте.

– Я хочу, чтобы в этом разбирательстве ты не учувствовала, как член семьи.

– То есть?

– Разбирательство начнётся через 27 минут. Через 15 мы выйдем отсюда, пройдем к залу суда Главных, и там Ложири даст тебе нашу одежду.

– Вы хотите сказать, что я буду на подобии вас.

– Да, именно это – он не отрывал глаз от стола, продолжая смешивать всяческие жидкости.

– Извините, но зачем мне это?

– Там будет Пелагея. Когда она увидит тебя среди нас, то сразу же ослабит своё внимание к тебе. Решит, что ты, как и мы, связана по рукам и ногам и не имеешь никакого права совать нос в её личные дела.

– А как «обычная», я имею на это право, да?

– Нам нет дела до того, что вы делаете, друг с другом, если из – за этого никто не умирает или не пропадают силы с коробками.

– Отличная позиция.

– Не противься, когда – нибудь ты поймёшь, что всё это мы делаем не зря и это лучший выход из сложившегося положения. Между прочим, я делаю зелье для тебя.

– И я, конечно, же его выпью?

– Нет, конечно.

Он добавил еще чего – то, и клубок пара поднялся к потолку. Валдин вышел из – за стола и медленными шагами подошёл ко мне, не отрывая глаз от зелья. Он встал ровно передо мной, резким движением руки выплеснул жидкость мне на лицо, и я автоматически закрылась руками, пытаюсь отереть жидкость. Я ожидала жжение, боль, рвоту или что – то ужасное, но ничего не произошло. Зелье моментально впиталось в кожу, и я ощутила неприятное чувство, словно на мне была маска.

– Какого чёрта вы творите?!

Валдин улыбнулся, в его руках оказалось красивое зерка-

ло. Увидев своё отражение, мне стало немного противно.

– Сколько мне лет?

– Тут было 15 лет жизни, так что сейчас тебе примерно 33.

– Какой ужас. Зачем вы это сделали?

– Видишь ли. Пелагея хорошо осведомлена о нас и ей известно практически всё. Статус у одного из нас в твоём возрасте, обозначает, что ты занимаешься более важными делами и редко появляешься на улицах. Поэтому так, мы совсем угробим её внимание.

– Это же бред!

– Согласен, именно поэтому форма возраста с обязанностями не действительна уже больше 30 лет. Над всеми нами время практически не властно. Мы бессмертны, пока Бог хочет этого. Но она – то этого еще не знает.

– Класс, что я еще могу сказать?

– Ох, дорогуша. Нам уже пора. Давай скорее – он взял меня под руку.

– Слушайте, а можно котёночка?

– Потом, дорогуша! Потом!

Комната залилась ярким сиянием с одной из сторон, и проявилась дверь. Она была широко распахнута, в коридоре стояла моя ровесница, Ложири. В руках она держала какую – то чёрную ткань. Это так мило, они дадут мне одежду.

Мы с Валдином быстрыми шагами направились к ней. Он стал суетиться и о чём – то говорить с девушкой. А мне всучили тряпки и приказали переодеваться. Я завернула за угол

и стала натаскивать на себя какое – то платье и подобную кофту с длинным чёрными рукавами, но моя голова в ней застряла. Нет, я не была головастиком, просто это даже для меня слишком узко.

Внезапно чьи – то руки помогли мне протянуть её вниз, на моей щеке сразу же отпечтался поцелуй. Я отскочила в сторону, приняв оборонительную позу.

– Ты достал уже! Пошёл прочь от одежды. Отойди и дай мне переодеться.

– Ах, крошка, чего это мы такие злые? Чёрная кошечка дорогу перешла, или ты влюбилась и боишься это признать?

– Скажи, ты родился без мозгов или тебе их вышибли? Я всё пойму.

– Да, ты забрала у меня остатки моего последнего разума – он сделал пару шагов в мою сторону, но я подняла в воздух всю пыль, что была в коридоре и, собрав её в один комок, швырнула со всей силы прямо ему в лицо.

Я быстро схватила накидку и выбежала к Валдину. Там стояла беловолосая девушка, держа на руках кошку. На ней была чёрная накидка с капюшоном. Её белая кожа и волосы сильно выделялись на фоне чёрной одежде, и казалось, что Главная светится. Она была необычайно печальна, впрочем, как обычно.

Тут подбежала маленькая слепая девочка, и попросила меня присесть. Когда я выполнила её просьбу, она закрепила на мне плащ, и накинула капюшон на голову. Теперь я чув-

ствовала себя одной из них. Девочка поцеловала меня в щёку и побежала куда – то дальше по коридору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.